

**АЛЕКСАНДР
АФАНАСЬЕВ**

**ЗАВТРА
ВОЙНА**

ОККУПАЦИЯ

Александр Николаевич Афанасьев

Оккупация

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43671902
Оккупация / Александр Афанасьев: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-098216-5

Аннотация

Двадцать пять лет Украина жила в кланово-мафиозной системе координат. Подавленный путч добровольческих батальонов стал финалом.

Десятки, сотни тысяч людей, которые не умели ничего, кроме как убивать, породила та война. Людей, которые дербанили, отжимали, пытали, крышевали, занимались контрабандой. Почти все они ушли в криминал.

В России их встретили те, кто традиционно занимался серым и черным бизнесом. Бывшие и действующие менты, ФСБшники, казаки, этнические ОПГ. Свои лакомые куски они отдавать не намеревались.

Началась Вторая криминальная революция...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

129

Александр Афанасьев

Оккупация

*Он знать хотел все от и до,
Но не добрался он, не до...
Ни до догадки, ни до дна,
До дна...
Не докопался до глубин,
И ту, которая одна,
Недолюбил!
Недолюбил, недолюбил.
Смешно, не правда ли, смешно,
Смешно,
Что он спешил – недоспешил, —
Осталось недорешено
Все то, что он недорешил...*

Владимир Высоцкий

Я знаю, что ты лжешь, и ты знаешь, что я лгу, – поэтому мы один народ. Мы знаем, когда мы лжем, а вот другие принимают нашу ложь за чистую монету...

Таким образом, можно определить постсоветский государствообразующий народ как группу людей, которые договорились считать правдой одну и ту же ложь. Те, кто считает правдой другую ложь, – уже другой народ. Правде в этом уравнении места нет или почти нет, и

*Украина – яркий тому пример...
Александр Афанасьев.
Над пропастью во лжи*

Будущее

2010–2020-е годы

Будущее не предопределено. Нет судьбы, кроме той, которую мы творим.

А натворили мы – более чем достаточно.

В 2014 году – с победы прозападных (хотя прозападными они были лишь условно, западных ценностей они не придерживались, от Запада им был нужен безвиз и ремонт дорог) началась гражданская война на Украине. Восстали Крым, Донецк, Луганск, Харьков, Одесса.

В Харькове мятеж удалось подавить относительно бескровно, в Одессе – кроваво. В Донецке и Луганске вовсе не удалось подавить. В Крыму подавить и не пытались – рядом была российская армия, да и поддержка Украины там исчислялась в лучшем случае пятью-семью процентами.

Началась антитеррористическая операция (АТО) и континентальный военный кризис, равного которому не было, наверное, со времен Западного Берлина.

Весна 2014 года – это Русская весна. Весна, которая провалилась: вместо величественной и гордой Новороссии на карте образовались два маленьких, непризнанных государства – ДНР и ЛНР. Проект Новороссии тихо забыли, а само понятие «Русская весна» оказалось в значительной степени дискредитировано дербаном и обоюдным циничным сотрудничеством с врагом, когда через «ноль» – линию фронта – торговали всем, чем можно. Углем, жратвой, водярой, заложниками. Торговали все – МВД, СБУ, добровольческие батальоны. Власти «народных республик» если и отставали, то ненамного. Харизматичные лидеры Русской весны погибли один за другим: Дремов, Беднов, Мозговой, Моторола, Гиви. Одной из причин провала Русской весны и гибели лидеров сопротивления было то, что отжимать, пилить, дербанить было привычнее и выгоднее, чем строить новое и светлое. И проще. И денежнее...

И все это было не с одной стороны фронта. С обеих.

Двадцать пять лет Украина жила в кланово-мафиозной системе координат, и Донбасс жил так вместе с ней. Глупо было думать, что те, кто привык хапать, наживаться, выводить нал, станут справжными патриотами, бескорыстными подвижниками только потому, что погибла Небесная сотня и другие такие безымянные сотни отдали свои жизни по обе стороны фронта. За мечту.

Подавленный путч добровольческих батальонов стал концом той войны. Договорились. Договорились, как всегда,

грязно, за спиной. Запад опустил руки еще раньше: стало понятно, что ничего не изменить. Громкие фразы про европейское будущее – не более чем дымовая завеса, бескорыстные громадские активисты бескорыстны лишь потому, что их до сих пор не пускали к кормушке, и сейчас они оттаскивают от нее продажных до мозга костей чиновников, чтобы самим к ней припасть. Те, кто ходил в рваной курточке, за год во власти покупали десять квартир. Единственная реальная претензия оппозиционеров к власти – в том, что у кормушки не они.

Путч привел все к единому знаменателю. Ликвидация добровольческих батов – кого посадили, кого убили. Дорожная карта по выполнению Минских соглашений. Торжественная передача границы под контроль украинских пограничников – на самом деле пограничники в основном были местные, спешно набранные и приведенные к присяге, – на манеже все те же. Изменения в конституцию, децентрализация, автономия Донбасса.

Европа облегченно выдохнула и сняла санкции.

Но мира не наступило. Продолжалась холодная война-2 – непохожая на первую, еще более циничная и опасная. На Украине продолжался распил и дербан, численность населения упала до сорока миллионов человек. Люди жили бедно, преступность была все рекорды. Огромное количество демобилизованных искали свое место в жизни и не находили. Оружие было у всех.

На Донбассе самые засвеченные уехали в Россию, остальные присягнули Украине и стали служить. Вся новая милиция, вновь сформированные воинские части, пограницы – все местные, офицеры – как раз из числа тех, кто «проявил себя» на блокпостах на нуле, кто крышевал контрабанду. Власть в Киеве не препятствовала – себе дороже. Техас должны грабить техасцы, а Донбасс – донбассцы. Тем более что наверх засылали стабильно.

В России, несмотря на все предпринимаемые усилия, продолжалась экономическая стагнация, выйти на высокие темпы роста никак не удавалось. Причина была проста – предпринимательское сословие потеряло веру и вкус к инвестированию в Россию, а государство – инвестор плохой. Незаинтересованный. Криминал из разграбленной и нищей, потерявшей все Украины шел туда, где взять можно было в несколько раз больше, – в Россию. Снова появились понятия «рэкет», «крыша», «отжали». Хуже всего было в приграничных с Украиной областях и в Москве.

Что самое плохое – теперь криминал опирался не на воровское сословие, а на умытых кровью боевиков, отморожков, неонацистов. Десятки, сотни тысяч людей, которые не умели ничего, кроме как убивать, породила та война. Людей, которые дербанили, отжимали, пытали, крышевали, занимались контрабандой. Почти все они ушли в криминал.

В России их встретили те, кто традиционно занимался серым и черным бизнесом. Распилом, дербаном и крышева-

нием. Бывшие и действующие менты, фээсбэшники, казаки, этнические ОПГ. Свои лакомые куски они отдавать не намеревались.

Началась вторая криминальная революция...

Московская область, Российская Федерация

Где-то за Третьим транспортным

11 мая 2019 года

Оборотни в погонах

Оборотни в погонах.

Знаете, меня всегда смешило это определение – «оборотни в погонах». Смешило даже тогда, когда по телевизору показывали, как выводят с руками за спиной моих коллег и раскладывают на столе изъятые доллары и золотые слитки. Объясню почему: в определении «оборотни в погонах» есть две части – «оборотни» и «в погонах». Обе лицемерны донельзя. И пока есть время – а время пока есть, – давайте разберем обе части по отдельности.

Первая часть – оборотни. Подтекст такой – что есть честные менты, а есть... если кто-то кое-где у нас порой. Так? Так. В чем тут лицемерие? А вот в чем: тут получается, что непойманные карают пойманных. На самом деле оборотни – мы все.

У нас ведь до сих пор большинство в стране – это те, кто жил в СССР. Я вот только пионерию застал, а есть комсомольцы, партийцы. И чего? Все клялись, все получали партбилеты, все говорили красивые и правильные слова, все типа коммунизм строили. А девяносто первый год пришел – и опа! И все разом стали строить капитализм. На рынке стоять, торговать, спекулировать. Затапывая слабых, всем кагалом рванули к светлому капиталистическому будущему. И как это назвать? Не оборотни, что ли?

Оборотни и есть. Просто у долбодятлов, которых социологи называют «средним классом», в голове есть какой-то бзик, что, мол, они могут и хапать, и кидать, и наваривать, и все дела, а вот те, кто их обслуживает, это делать не могут. Что будут по-прежнему бескорыстные и честные доктора, учителя, менты. Да, да, и менты тоже – ведь мы на самом деле слуги общества. Врач предоставляет лечебные услуги, учитель – учебные, мы – безопасность. Но я – убей меня кирпичом в лоб – не могу понять, почему я не могу изощряться и исхитряться, если пресловутый средний класс оставляет за собой такое право?

Откаты берете? Берете. Прибыль не показываете? Не по-

казываете. Зарплату в конверте платите? Платите. Ну а ко мне тогда какие претензии?

Вторая часть – в погонах, но я на нее уже почти что ответил. Почему я в погонах не могу делать то же самое, что вы делаете без погон? Милиция – часть общества, какие вы, такие и мы. Мы ведь тоже не с луны свалились, верно? Хапаете вы – хапаем и мы. Вот и все.

Ты не одна...

И я не один...

Мой телефон...

Девять – один – один...

Почему-то мне всегда нравились украинские песни. Мелодичный, необычно звучащий язык. Хотя – просто мову – я терпеть не могу, меня от нее передергивает. Особенно в исполнении всяких рагулей. О! Видите! Вон ссыт. Прямо на посту. Б... устав караульной службы такого не предусматривает – никто и представить себе не мог, что воин Советской армии будет ссать прямо на посту. Но для селюков это нормально.

Короче, давайте представляюсь, раз уж тут сидим. Александр Матросов. На самом деле фамилия такая, хотя бросаться на дот меня не заставишь. Полковник полиции, главк МВД. Ну и... оборотень в погонах, если так вам будет угодно. Хотя про оборотней в погонах я уже все сказал.

Родился и вырос я в старом русском городе Владимире,

служил... жизнь помотала, короче. Сейчас – в Москве, в третьем ОРБ. Что такое ОРБ? Оперативно-разыскные бюро, они у нас по темам. Третье бюро – этнические ОПГ, Украина. Раньше его вообще не было, а сейчас... горячая тема.

Вот как раз одну из таких ОПГ я сейчас и отслеживаю...

Короче, тема – сиги и бухло. Украина и по тому, и по другому лидирует на постсоветском пространстве. Сиги – виробництва либо львовской тютюновой, либо донецкого Хамадея. У нас больше Хамадей попадает, Львов в основном на Запад гонят. Сиги качеством так себе, но главное – на них левые акцизки. Печатают где-то в Украине, где – мы так и не смогли понять. А гонят к нам дончане по тем же, отработанным каналам, по которым шла гуманитарка и прочее. Их и сейчас кое-кто считает борцами, хотя настоящие борцы – кто сидит, а кто уже... лежит. А выжила только мразь одна. Вот она и банкует.

С бухлом ситуация еще интереснее. Основной производитель левого бухла в Украине – луганская Луга-Нова, там как еще со времен войны отработали схемы – так они и работают в полный рост, не останавливаются. Акцизки тоже левые, печать – в Украине. Что касается спирта, то там тема вообще конкретная, я эту тему полгода пробивал. Спирт идет через Румынию и напрямую, морем, из Бразилии, а в последнее время из... США. Да, да, из США. Там в свое время приняли закон, топливо Е85 – в нем восемьдесят пять процентов бензина, пятнадцать – технического спирта. Сейчас цены на

нефть не ахти, и потому фермеры, уже освоившие эту техническую культуру, начали искать рынки сбыта. И нашли. Спиртыга прямо в море переливается в небольшие наливники, дальше они разгружаются в незаконных портах по всему Азову и Черноморскому побережью. Там сейчас все яхтенные пристани, пристани бывших рыболовецких колхозов – все это в деле, все работают не покладая рук. На берегу ждут уже спиртовозы, они направляются как раз в Луганск. Там разливают по нашим бутылкам, наши бутылки и этикетки на Украине научились подделывать давно – Херсонский стеклозавод, Бучанский, Малиновский, Рокитновский. Водяру разливают, приклеивают этикетку, после чего караваны с водярой начинают свой путь к потребителю. Идут либо через Харьков и Белгород, либо через Беларусь, в последнее время часто прут по железке. Отследить все не отследишь, таможня и налоговая с ног сбились. А прибыль... ну считайте сами. На сигах – в Москве на полке сиги стоят в пять раз дороже, чем в Донецке оптом. Водяра – раза в четыре. Все равно четыре-пять концов – это те деньги, за которые умирают и убивают. Второй сухой закон, твою же мать...

И всю эту тему держат хохлы. Прикиньте, сколько в день может выжирать четырнадцатимиллионная Москва, шестимиллионный Питер. Прикиньте оборачиваемость денег – у них в товаре они не залеживаются, товар влет уходит. И посчитайте хотя бы примерно масштаб прибыли. Я пробовал – при любых раскладах получался выхлоп пять-шесть милли-

онов грина, не меньше.

В день.

Только вот получилась какая закавыка. Раньше была негласная договоренность, что товар как только пересекает границу – мы его забираем оптом и тут уже в розницу раскидываем. Сначала так и делали – у хохлов не было денег, мы им загоняли предоплату еще на порт – то есть на тот спирт, что в порту. Потом у них деньги все же появились. Потом они начали борзеть и левачить – то есть возить сами и сливать налево. А сейчас они уже конкретно отморозились.

В налоговую пришла инфа. Там весь расклад, кто, как, куда. Адреса складов, номера счетов, реквизиты фирм, через которые прогонялся крупный опт по Московскому региону, – весь. Но вот какая закавыка – называли только крупный опт, ни одного среднего и мелкого оптовика не засветили.

Все еще не дошло? Им надо выбить крупнооптовое звено и сесть на крупный опт самим – грубо говоря, банчить на уровне от «газельки» и выше. А то, что ниже, их не интересует, это они оставляют. Более того – этот уровень им нужен, точки на местах, в небольших городах, где и идет основной сбыт, на оптовых базах, принадлежавших диаспорам.

Короче, налоговая замутила рейд, мы узнали в последний момент. Что-то успели спасти, но не все. Теперь пришла пора рассчитаться – алаверды, однако.

Хохлы арендовали крупный склад. Это раньше завод был, с ж/д веткой, а теперь в корпусах устроили непритязатель-

ный и недорогой, но вместительный склад. Можно, конечно, его и сдать, как это они сделали – но дядя Вова (потом узнаете, кто это) сказал, что так не пойдет. Надо взять склад и вывезти его, весь товар забрать бесплатно – в счет погашения долга перед нами. А потом уже начинать переговоры о том, как жить и работать дальше, миром или как.

В общем-то, разумно. И выгодно. Всем. Мне, например, за ночь упадет сотка. Сто тонн зеленыю. Плюс столько же, когда товар уйдет и превратится в деньги.

Склад этот я, кстати, и нашел.

Вообще не могу понять хохлов – они о чем думают и чем. Что они будут банчить на Москву и больше, а мы не найдем, откуда они это делают, так, что ли? Что я, опер с земли, буду клювом щелкать? Хотя... может, они и в самом деле так думали. Все мозги на майдане выскочили.

Как говорится – береженого Бог бережет, а небереженого конвой стережет. Потому у меня и машинка левая, «Лада» 4*4, или в просторечии «Нива», оформленная на одного забулдыгу. И трубочка – левая, а моя труба сейчас в одном хорошем месте, где я типа всю ночь зависал. И ствол левый, это мне с Донецка подогнали. Там с этим легко...

Щас отработаем и поедем по домам.

Набираю номер – Пузырь должен быть уже на месте.

– Але.

– Бухой, что ли? Слышу довольный смех.

– Не, шеф, мимо. Тут с проводницей одной мы...

– Слышь, Пузырь... слышишь там, э? Отправляй свою шалаву мимо и давай к делу. Тепловоз тебе дали?

– Ага. Все в полном ажуре.

– Смотри у меня. Давай двигай по-тихому. И попробуй наладить!

– И-есть.

Пузырь – это... мой, в общем, протеже. Фрукт тот еще, я его к делу пристегнул, чтобы и он лаве поднял, хотя... зря, наверное. Мы с ним росли вместе. Потом он ходку взял – глупую, за наркоту. Сидели на скамейке, подошли менты, кто-то сбросил чек. Менты подняли и первому попавшемуся в карман и засунули – это и был Пузырь. Отца у него не было, отчим, выкупать он его не стал. Так и пошел пацан на зону, сломал жизнь.

Но он верный. И молчать будет.

– Так... ну че, Голова? Все в ажуре...

– Не вопрос...

Голова подхватился, забрал свой АК-74М с ночником и глушителем и выкатился из машины. Он из бывших донецких ополчей, вот пусть и работает. По врагам, которые бывшими не бывают. Мне там пока делать нечего, я постою тут, на дороге, и если что – со своей ксивой остановлю своих коллег, мол, там спецоперация, работает ОМОН и все такое. В конкретное палево, с трупами я стараюсь не пристегиваться.

Кто я есть? Да хрен его знает. Мент, полкан, получивший свое звание и продвижение по службе не совсем честным

способом, оборотень в погонах, для кого-то шеф. Мне плевать. Имеют значение только деньги...

Рагулю на посту оставалось жить минуту от силы, но он об этом и знать не знал, пребывая в радостном неведении. О чем он думал? Наверное, о том, как он отпашет ночную смену, потом пойдет дрыхнуть. А как только закончится его смена он и еще два-три десятка таких, как он, отправятся через Беларусь или через Харьков на Украину, с такими деньгами в кармане, что в Незалежной, чтобы такие заработать, надо года полтора батрачить. И то не факт, что не кинут.

Обычный рагуль. Крестьянин, которого насильно мобилизовали в украинскую армию, дали старенький автомат и кое-как научили убивать. А потом, когда подписали «минские угоды» и он стал не нужен, просто выбросили на улицу за ненадобностью. Все, что он хочет, – тупо накопить здесь бабла и поехать домой.

Голова его не ненавидел. Перегорел уже потому что. В том две тысячи четырнадцатом он, как и многие другие, пошел на выстрелы и грохот взрывов, пошел через границу, твердо зная, что там убивают таких, как он. Пепел Одессы, пепел Мариуполя стучал в их сердца. У них были новые лидеры – Дремов, Мозговой, Моторола, и все они сели в социальный лифт, надеясь, что он вывезет их, да и не только их, в светлое будущее. Увы... лифт взорвали, и мало кто уцелел. В числе последних был и Голова, который вернулся в Россию с пач-

кой зелени, автоматом, гранатами – и пошел туда, где проще всего, – в криминал. Новые бригады, новые понятия. Ростов, Краснодарский край, Ставрополь – там уже в открытую «панували» кавказцы, сшибали закят и джизью¹ даже с русских торговцев. Кавказцы уже в открытую называли Сочи своим курортом – и встреча с прошедшими войну русскими и дончанами была для них неприятной неожиданностью. Навели порядок малехо, ну и... свои крыши поставили, получается. А потом открыли границу, пошли темы с водярой, с сигами – вот и отправились новые бригады на север, покорять Питер, Ростов, Волгоград, Воронеж... Москву. Моментально нашлись и старшие, и бизнеры, и сбыт, и все. И – гримаса судьбы – их главным врагом... точнее, не врагом, а конкурентом по пищевой зоне были хохлы, среди которых полно было тех, кто прошел войну добровольно или насильно мобилизованным. Столкнулись старые враги – уже на российской земле и на других темах.

Подполз Цой, доброволец из Ташкента, ловкий и верткий, как змея, прожал дважды локоть. Все на местах...

Голова прицелился. У него на автомате был не ночник,

¹ Закят – предусмотренный Кораном сбор с мусульман, джизья – сбор с немусульман, живущих на земле мусульман. Под видом сбора закята и джизьи ширится новый рэкет, с религиозной подоплекой, причем не только на Кавказе. Приходят двое и говорят: плати закят, а то сожжем. Ах, ты не мусульманин? Тогда плати джизью. Разница с рэкетою девяностых в том, что если у рэкетира девяностых было два пути – в тюрьму или в могилу, то религиозный рэкетир имеет возможность выехать на Ближний Восток и присоединиться к ИГИЛ.

как с виду казалось, а самая настоящая термооптика. Трофейная, волонтерская, переделанная из более дешевого прибора для наблюдения – но термооптический прицел, и до сих пор работающий. Голова навел перекрестье на цель, начал отсчет. На единице – дождал спуск, автомат кашлянул, выплюнул гильзу, лязгнул. Рагуль начал оседать – не дожидется его теперь в родном селе. Да и хрен с ним.

– Минус, – сказал Голова, – пошли!

Словно из-под земли появились бойцы – все вооружены автоматами, почти у всех глушители – от укропов моды переняли, те ляпали глушаки даже на ДШК. На забор положили заранее приготовленный трап, по нему один за другим проходили забор, прыгали вниз, растекались по заводской территории.

Согласно данным разведки – а мы даже квадрик запускали, квадрокоптер, чтобы посмотреть, – ночью на территории складского комплекса остаются всего шесть-восемь человек. Это мало. Даже очень. Конечно, могли быть и в здании – но мы наблюдали еще и днем, сколько человек машины грузит, смотрели и прикидывали – сколько утром въезжает машин, сколько вечером выезжает. Проследили за одним рылом до местного мага, потом заявили туда типа как от налоговой, поспрошали, сколько он покупает – примерно прикинули, сколько человек может там питаться. Вышло – от двенадцати до пятнадцати. Это больше, чем шесть-восемь,

но надо учитывать, что там днем еще и грузчики работают, им тоже надо чем-то питаться, правильно? Сами грузчики на ночь не оставались, уезжали вечером на «газельке», а утром, приезжали. В общем, старались нигде не светиться, но если в каком-то месте целые составы разгружаются, а потом едут затариваться оптовики, шила в мешке не скроешь.

Решили работать, когда придет очередной состав – загнать свой порожняк, загрузить его и вывезти. Как? Элементарно, Ватсон, там же кара есть, и, как я понял, не одна. А как они оптовиков грузят – ручками, что ли?

Тройной прозвон – все норм, можно ехать. Я тронул машину с места.

На въезде уже никакой охраны нет, и куда она делась – знать не знаю. Зато есть наши, вон трофей у одного – «Сайга» с белым цевьем, охранная. Надо сказать, чтобы на месте оставили, а то местным коллегам очередной висяк – нехорошо. Машина непривычная, тесная и идет плохо, я к другой привык. На бетонированной площадке разворачиваюсь задом, чтобы время не тратить. На путях уже ворочается маневровый тепловоз, подающий порожняк к погрузке.

Еще одно.

Достаю из кармана шапку-омонок и раскатываю – получается маска. Зачем? Все свои? А вы не думаете, что тут может камера скрытая быть, писать? И на хрена мне, целому полковнику полиции, своей рожей светить?

То-то. Сейчас, как пошла охота на оборотней в погонах,

на воду дуешь, не то что...

Пацаны на эстакаде. Нервные, возбужденные – как и бывает после боя.

– Посты выставили?

– Обижаешь, шеф. Все тип-топ...

Где я с ними познакомился? Да все там же, в Донецке. Что я там делал, в непризнанной республике? Спросите что попроще, а?

– Тогда че стоим? Арбайтен, арбайтен. Кара где?

Кар оказалось аж три, но можно было задействовать только две – места свободного не было. Начали грузить с двух сторон – с первого и крайнего вагонов. Хитрого тут ничего нет, кара сразу здоровенный поддон берет. На нем, как я и предполагал, оказалась водяра. Луганская водяра. Ничего, дядя Вова найдет куда скинуть, под ним серьезные оптовики ходят.

Сейф тоже на всякий случай сорвали и погрузили в один из вагонов, на месте вскрыем. Тут с этим возиться нечего.

Погрузка шла споро. Я смотрел на часы – но придраться было не к чему, время оставалось, еще и с запасом...

И тут мне пришла в голову идея, от которой потом и начались все неприятности. Сильно я проклинал себя за эту идею – да сделанное хрен воротишь. Правильно говорят, не умножай сущности без необходимости. Если нечем заняться, не ищи приключений на собственную задницу, а тупо отдыхай.

– Слышь, Голова.

Голова повернулся ко мне. Мы стояли на освещенной эстакаде и смотрели, как грузятся последние вагоны. Порожними осталось еще три.

– Дай мне пару пацанов в помощь.

– Зачем?

– Провырнуться хочу наверх, посмотреть, где они сидели. Может, найду чего.

Тут во мне проснулся опер – если у них тут склад, то, наверное, и офис тоже где-то здесь, верно? Пошариться, может, там бухгалтерия будет, документы. Взять жесткие диски, ноуты, мобилы, если есть. Все это – информация.

– Грива. Бери своих и давай со мной.

Грива – здоровый бугай – перехватывает свой обвешанный АКМ, смотрит вопросительно на меня. Блин... понавели-то. Насмотрятся в играх, вот и вешают что ни попадя. Лучше чем полезным бы занялись.

– Держитесь за мной. И не топайте как слоны.

Идем в обход цехов, потом заходим с тыла и наверх. Не знаю, что это было за производство, но пристрой к нему – настоящий офисный центр, о четырех этажах. Неужели здесь когда-то столько офисного люда работало? Старая лифтовая кабина... я, конечно, на лифте не поеду, ищите дурака. Идем по широченной лестнице, она построена так: широкий центральный пролет – и два поуже, по бокам, и еще один этаж...

Заперто... заперто. Подсвечивая фонарем в телефоне, я

смотрю таблички... нет, не то. И это не то.

– Чего....

– Тихо!

Мне сразу что-то не понравилось, я тогда не мог понять, что именно. Потом дошло – звук, нудный такой. Дизель-генератор это был. Рабочий.

– Пошли. И тише.

Мы дошли до верха, и дальше, чтобы перейти в другой блок, надо было пройти через старую раздевалку. Там – вереницы шкафчиков, пыль, остатки моечных – кафель там, соски еще не свернули.

Шумно идем, мелькнуло в голове.

Не знаю... именно когда мы проходили раздевалку, я пропустил вперед Гриву. Тем и жив остался...

Грива шагнул вперед... тут же хлопнуло впереди, отрывисто так, хлестко – Грива начал заваливаться назад всеми своими килограммами. Простучала очередь... я понял, что это очередь, по ударам по железу – дверь на выходе была железная. Кто-то закричал... я рванулся в темноту...

Запомните, если попали в засаду, то первое для вас – найти укрытие и засунуть туда свою задницу. Только потом воевать. А если можете бежать, выйти из зоны огня – бегите. Бегите, не раздумывая, и не стройте из себя героев, если повезло выйти из огневого мешка, значит, Боженька на вашей стороне, и не гневите его. Первое дело – остаться в живых.

Так меня учили, и учили меня те люди, которые засады и ставили, и сами в них горели. Знали они, что говорили.

И потому я не стал строить из себя героя. Под мат и грохот очередей я бросился бежать... назад, откуда пришел, меж рядов старых шкафчиков и груд битого кафеля. Все равно не было шансов.

За что-то зацепился ногой и грохнулся в полный рост – аж дух перехватило, искры из глаз. Пришел в себя, сунулся в карман, телефон... б... телефон. Вот он. Горячие клавиши... эсэмэска... условный сигнал «тревога». Рассылка настроена автоматически, уйдет всем.

Набрал Пузыря

– Погрузились? – Времени на политесы нет.

– Догружаемся. Еще...

– Бросай все, и ходу. Воздух! Понял?

Не дожидаясь, понял или нет, прервал звонок, сунулся в карман. Там, в пришитой к куртке кобуре, «стечкин». С другой стороны – два магазина. При любых других обстоятельствах этого бы было достаточно, только чувствую – не в этих.

Ни хрена не в этих.

Звонок – Голова. Черт, он меня демаскирует так звонками. Сигнал тревоги дан – че еще надо, б... Нажал на кнопку отбоя, продолжительное нажатие – выключение аппарата. Б... пи...ы! Убью! Какого хрена при отключении играет музыка, твою мать?! Я отбросил аппарат от себя – и тут же совсем рядом в шкафчики ударила пуля, вторая. Почти точно!

Извиваясь, как червяк, я пополз вперед... заполз в полуоткрытую душевую. Пистоль наготове... ладно, идите, ублюдки. Посмотрим, кто кого...

С той стороны, откуда пришел, галогеном сверкнул фонарь, снова хлопки, крик. Очередь из АКМ, еще одна...

– Вон он!

Снова фонарь, кто-то падает. Крик Головы.

– Внимание!

Снова хлопки. Еще. Снова очереди и хлопки...

Я так и сидел, не шевелясь и даже не дыша. Ждал, пока все стихнет, перднуть, простите, боялся. Я уже понял, как нарвались, – пистолет тут не танцует...

Танцор, блин. Помните – «Танцор диско», фильм был такой индийский. Вот сейчас я и попляшу...

Все стихло. Я ждал.

Молчание. И тишина – такая что потрогать можно.

Потом вдруг голос.

– John!

Я парализованно замер. Ответ – совсем рядом, он стоял за стеной.

– I'm here.

– C'mon! Clocks ticked. Move...

– O'kay!

И шаги. Уже не скрывающиеся.

Уходит...

Уходит, б...

Я считал... не помню, до скольких считал. Потом до меня дошло – стрельбу могли слышать, и тогда сейчас здесь будет ОМОН. Надо идти.

И я шагнул в смертельно опасную тьму.

На пацанов я наткнулся у выхода, они лежали один на одном. Их просто навалили, там двое или трое лежали. Они не успели ответить – так и легли. Но и те, кто успел, тоже легли. Все легли...

И я могу – в любой момент.

А потом я вспомнил учебку в Балашихе и сказал: «А вот хрен вам на все рыло...»

Подцепленный автомат лег в руку приятной тяжестью. Второй я кинул на спину, пошарил и сунул за ремень пару запасных. И хрен они меня возьмут, кто бы они ни были...

Выходил когда – простите за натуральные подробности, – обосрался. Темень... и снайпер может ждать меня там, а я перднуть не успею, тупо лягу.

Но снайпера не было. Кто бы они ни были – задерживаться не стали, ушли.

Лопухами, не по дороге, рванул к оставленной машине. Там, как я и полагал, не было никого. Никто не вышел, все легли. Сел в машину, рванул... пойду полями и огородами... чтобы не попасть под «Поток»². Нехрен мне сегодня светить-

² «Поток» – система автоматического распознавания автомобильных номеров в потоке.

ся...

Да, и мобилу по дороге надо выбросить.

Как и у многих моих коллег, у меня была «лежка» – на случай, если пересидеть надо будет. Это купленный в одной из соседних с Москвой областей в деревне дом. В деревне дома дешевые, да и глаз лишних нет. Купил я его на случай чего, по левым документам, и практически там не появлялся. Но нычка у меня там была, равно как и лаз, куда дальше уходить. На случай чего.

Приехал уже посветлу – магазин работал. Зашел, купил водки, молока, хлеба, пельменей. Заодно подивился – раньше деревня молоко продавала, парное из-под коровы, а сейчас покупает, пакетированное. Дожились, б...

Гаража не было – машину тупо загнал за дом. Зашел в дом... тут-то меня и накрыло. Конкретно затрясло, я только успел покупки на стол бросить, пройти в соседнюю комнату, бухнуться на кровать...

Б...

Я видел смерть. Я видел ребенка, разорванного украинским снарядом, и видел обезумевшую, поседевшую мать. Я видел много смертей, я видел, как «КамАЗами» привозили собранных в полях жмуриков, я хоронил и друзей. Я видел бессмысленность смерти – когда политики сливают в ж... все, за что люди горели и умирали. Я видел самые разные смерти – от заказух до банального «водка-поссори-

лись-труп». Но никогда мне не было так погано, как сейчас.

Я лежал, смотрел в потолок и думал. Как тикает в голове. Я – жив. А они – нет. Я – жив. А они – нет. Я – жив. А они – нет.

Я вдруг понял, что я боюсь. Я в своей жизни никогда не обламывался так, как сейчас. Я всегда, когда что-то делал, знал, что может быть так или эдак. Прикидывал, кубатурил – но никогда не выпускал ситуацию. А сейчас кто-то просто шарахнул тапком по нам, тараканам. И мне повезло лишь в том, что по мне не попало.

Б...

Я поднял руки и посмотрел на них. Они дрожали...

Это плохо...

Полежав так с час, я кое-как встал, сготовил себе пельмени. Водки хлебнул, но один глоток – помянуть. Остальное – закупорил бутылку и убрал. Нехрен, надо трезвым быть.

Потом на меня нашел жор, кило пельменей подмахнул и не наелся. Так и сидел и думал.

Так...

Первое – Пузырь. Жив он, нет? Успел тронуть состав с места и уйти? Или его там же прибрали?

Если жив – плохо. Он единственный, кто точно знает, что я там был – и сам он там был. Но не мочить же его?

Второе – товар. Если состав ушел, все вопросы будет решать дядя Вова. Он все-таки подписка неслабая, как-никак

депутат. Вопрос будет с тем, как скрыть эту самую бойню. Все-таки два с лишним десятка человек – в мясо, такое не скроешь...

Сука. На что же мы попали? Куда же мы сунулись?

Я начал понимать – мы изначально допустили грубую ошибку. У нас не сходилось количество жратвы и количество едоков, но мы подумали, что излишки съедают грузчики, которые работают только днем. Скорее всего, это не так, грузчики везли с собой, тут не собес, питание работников без конкретной нужды организовывать никто не будет. Получается, что тех было человек восемь. Вполне правдоподобно.

Кто они?

Получается, что укропы, они же к своим ходили питаться. Может, потому-то фишкар³ и несли службу так раздолбайно – знали, что их прикроют.

Судя по всему, к контрабандным делам они отношения не имели – у них тут своя лежка была. И они намеревались тихо переждать и уйти – это я им помешал. И если бы мы, точнее, я не сунулся туда, как лось на гоне, так бы все тихо и прошло. Но получилось так, что мы, сами того не зная, загнали их в угол – и они ответили.

Получается, я виноват. Без умысла, но виноват.

Казнить себя смысла не было, я и так передумал тут. Я только подумал вот что – были бы это укры, они бы сто пу-

³ Фишкар, фишка – те, кто стоит на стреме, на посту, охраняет или следит за приближением правоохранительных органов.

дов раньше вмешались, не выдержали бы. Москалей порвать – укру как за награду. Но если это не укропский спецназ – тогда кто это, на хрен, был?

Кто, б...

Так я еще сидел какое-то время, потом выбрался в огород. На солнышко. Там соседка обрабатывала грядки, увидев меня, она смутилась:

– Извините...

– Продолжайте, – махнул рукой я, – огород ваш, я не против...

Надо возвращаться.

В Москву. Оставить машину в гараже, пересесть на свою. Типа, в область ездил. Если спрашивать будут.

Да... надо вечером в баню завернуть, помыться хорошенько. Одежду, в которой я был, сжечь.

К дяде Вове я сразу не пойду. Пузыря тоже не буду искать, если он сам меня не найдет. К дяде Вове пойду не раньше среды. Нельзя показать, что я в этом замешан. И надо дать время... сначала посмотрим, кто и в какую сторону кинется. Потом будем решать.

Но пацанов жалко. Реально жалко.

Сыгранная еще там команда, проверенная войной. И здесь они тоже не косячили. Где я таких еще найду? Нигде.

Нигде, б...

Я их даже похоронить не могу. По-человечески. Остались

там лежать... что за б...дская жизнь.

Внезапно меня посетило острое желание вернуться туда, но я подавил его. Нечего там делать, там только вляпаться можно.

Сучья жизнь.

Тронулся. Проехал мимо сельских домов, старых, деревянных, и новых, уже каменных. Внезапно вспомнил – в детстве я хотел быть трактористом. И жить в деревне. А стал...

Сучья жизнь.

На выезде я увидел совершенно неуместную тут машину ГИБДД, и не патрульную, а большой фургон, мобильный пост ГИБДД, гаишник повелительно поднял жезл. Подумал – оборзели совсем, потом дошло – машина-то у меня как у работяги, и сам я – как работяга. И принесло же тебя... а мне здесь ксивой лучше не светить. Ничего, штраф заплачу... козел, тебя тут только не хватало.

Опустил окно, гаишник шел ко мне.

– Добрый день, – поздоровался я.

– Вечер, – не согласился гаишник.

Я начал понимать, что что-то неладно... но тут гаишник выбросил вперед руку, непонятно с чем, – и меня скрутило дикой болью...

Точное время и место неизвестны

Где-то в Центральной России

Пришел в себя я...

А хрен знает где. Ни где я, ни что со мной, я не знаю. Знаю только то, что хреново мне. Как меня в «Форд» тот заволокли, пакет с солярой на голову – и все. Изблевался весь, все пельмени выблевал. Кстати, прием этот, с солярой, придуман в АТО, укропами, так что хорошего мне ждать не приходится.

Как же они меня выцепили?

Телефон не со мной, я его выкинул. В машине вообще нет ничего электронного, ни навигатора, ничего такого. Рожей я там не светился. Тогда что за хрень? Как?!

Привезли меня... в какое-то место... я сам не понял, какое. Губа это, что ли? А может быть, заброшенная воинская часть, таких хватает. Но похоже, что это место изначально тюрьмой было или КПЗ... ублюдки. Как же я попал...

Никого из них я не видел.

Че делать? А че делать – сымать штаны и бегать, вот что. Надежда одна – если сразу не убили, нужен я им зачем-то. Может, знать хотят, кто на их точку навел.

Мысли мои невеселые прервал приход конвоиров. Двое, оба в масках и камуфляже «излом», он делался для внутренних войск. У обоих АК-105. Дубинал тоже присутствует. В целом похоже на армию или нацгвардию.

Не укропы, что ли?

– Встать, лицом к стене.

Спорить с конвоем – себе дороже. Я сделал то, что они сказали, заодно представившись.

– Полковник Матросов, главк МВД. Сообщите своему старшему.

Щелкнули наручники.

– Вперед.

Вперед так вперед.

Прошли коротким коридором – бывшая губа, точно. Вышли на улицу – день на дворе, солнце в зените. Значит, понедельник, а нахожусь я тут часов шестнадцать-двадцать.

– Вперед.

Действительно, похоже на воинскую часть, старую. Центральная Россия, далеко увезти не могли. На улице ни души, но чисто. Убираются.

В первый подъезд.

Зашли в здание, по виду тоже заброшенное – обычная четырехэтажка. И там был... лифт! Когда это в четырехэтажках лифты строили. Но это было еще не последнее. Как только мы вошли в него, лифт поехал... вниз.

Попал я знатно – еще круче, чем думалось.

Этаж был примерно седьмой-восьмой. Минус. То есть под землей. И там – какой-то комплекс... я не понял, какой именно, но громадный. Бетон, фонари. И, судя по звуку, поезд. То ли поезд, то ли метро. Второе вернее.

Значит, одно из двух. Либо мы в Москве или Подмоскowie – куда метро уже дотянулось. Либо это легендарное Метро-2, про которое ходили упорные слухи, но его так никто и не видел...

Привели меня в почти обычную комнату, в которых следки в СИЗО работают с подозреваемыми. Потом пришел и сам следак. В костюме, возрастом постарше меня – лет пятьдесят, не меньше. Старой закалки дядька. Папка красная, кожаная – я думал, таких уже нет давно.

Сел, достал ручку... у него что – ни ноута нет, ни даже диктофона? Он что – будет протокол допроса ручкой заполнять? Ну дела...

Мелькнула мысль – уж не в прошлое ли я провалился. Бред, но я был в таком состоянии, что мог поверить во что угодно.

– Имя, фамилия, отчество.

– Представиться не желаете?

– Имя, фамилия, отчество...

Ладно, раз так.

– Матросов Александр Игоревич.

– Год рождения?

– Семьдесят восьмой.

– Звание?

– Полковник полиции. Простите, в чем меня обвиняют?

По какому материалу опрос? Или допрос?

– А что – не в чем обвинять?

Что за бред. Я покачал головой.

– Э... нет, так не пойдет. Про презумпцию невиновности слышали? Вопрос – в чем меня обвиняют. И где я?

Следак достал фотографию из папки, положил на стол.

– Ваша?

«Тойота Ленд Круизер».

– Похожа на мою. Дальше что?

– Хорошая машина.

– Две тысячи одиннадцатого года, шесть лет ей. Купил после аварии, подремонтировал. Все документы есть. В чем проблема?

– Квартира?

– Поменял на родительскую с доплатой.

– А интерьерчик-то у вас богатый.

– Вы что, у меня дома были? Вы охренели?!

Следак – или кто он тут, дознаватель, наверное, – закрыл дело, уставился на меня своими совиными круглыми глазами.

– Нравится?

– Что?

– Как вы живете?

О как. На совесть давишь. Ну ничего, дави, дави. А я посмотрю. На меня такие спектакли давно уже не действуют. Нет, ну что за придурь? С одной стороны, солидно, с другой – такую хрень лепят, что даже неудобно.

Человека, который был моим крестным отцом в МВД, звали Бояркин Денис Владимирович. Его сожрали, когда громили РУБОПы. Он тогда пошел на должностное преступление, уничтожил личные дела многих агентов – они находились в бандах, им угрожала смерть, – а интересовались уже очень конкретно, и некоторые предлагали по «Мерседесу» за каждое имя. За это его не посадили, но выкинули из МВД, причем уволили максимально оскорбительно – по компрометирующим основаниям. С тех пор я все понял про систему. И мне уже не надо рассказывать про то, что я продажная гнида. Гниды – это те, кто...

– Устраивает...

Дознаватель покачал головой.

– Нет. И знаете почему?

...

– Нет более закоренелого циника, чем раскаявшийся романтик.

Я пошевелил кистями рук... больно уже.

– Что-то я не пойму, гражданин-товарищ. Я вообще арестован?

...

– Санкция есть?

...

– Тогда начальника моего сюда – немедленно. Генерал-лейтенант Вершигорский. Телефон дать? Или...

Открылась за спиной дверь. Я криво усмехнулся.

– Бить будете? Ничего... вы еще хапнете горя.

– Бить не будем, Саша... – раздался голос за спиной.

Я вздрогнул.

Дениса Владимировича Бояркина я не видел уже три почти года...

Почему? Да по многим причинам, в том числе и потому, что сам чувствовал свою вину и знал – не надо мне идти. Не надо. Не тому он меня... нас учил, да что теперь. И смотреть ему в глаза теперь я не хотел.

Да и сам Денис Владимирович особо встреч не искал, про него вообще было мало что слышно. Удивительного было мало – после четверти века службы, от опера, через ад лихих девяностых, и до начальника московского РУБОП – выкинштейн и чуть ли не тюрьма. Все в министерстве знали: контактировать с Бояркиным – значит лишить себя всяческих шансов на продвижение по службе. Так и существовали мы в разных измерениях, и он был последним, кого я ожидал здесь увидеть...

Наручники разомкнулись, оставив тупую боль, я начал массировать запястья. Бояркин уселся в кресло дознавателя, который, в свою очередь, тихо испарился.

– Здравствуйте, Денис Владимирович.

– Здравствуй, Саша...

Он имел право так меня называть. И не только меня. В свое время я, только отслуживший в армии, кинулся в МВД, потому что... да если честно – работы не было, и искать не хотелось. МВД было минным полем. И без проводника, учителя было не обойтись, тем более что когда приходила пора кого-то сдавать – сдавали всегда молодых.

И то, что я до сих пор не сидел в Нижнем Тагиле, отбывая срок за себя и за всех остальных, – это заслуга Дениса Владимировича.

С ним можно было говорить откровенно.

– Где я? И что от меня нужно?

– Ты в комплексе.

– Что такое комплекс?

– Потом поймешь. А нужен от тебя рассказ о том, как ты провел эти выходные. И больше пока ничего.

– А в чем проблема с выходными? Кстати, письменно или устно?

– Честно, Саша, честно. Тот склад был под нашим наблюдением. Но интересовала нас не водка и не сигареты. А те, кто прятался на четвертом этаже бывшего АБК.

– А кто там прятался?

– Вот, посмотри.

Бояркин выложил на стол телефон, там сменяли одна другую фотографии – четкие в яркой, фотографической вспыш-

ке. Я смотрел.

– Хохлы?

– Возможно. Но скорее всего – нет. Возможно, американцы.

Бояркин промолчал и добавил:

– Трупов мы там не нашли. Их трупов. Наши только. Точнее, твои.

Твою мать...

Получается, они нас всухую. Сделали.

Мы вот, русские, считаем себя такими воинами невоенными, да? Что мол, одним махом семерых побивахом, так? А потом – Грозный. Но Грозный – это детский сад, мы еще не имели дела с американцами.

А с чего это мы будем такими воинами нев...енными, если у нас государство на вооруженного человека смотрит как на потенциального преступника, а? Извините, но когда дело дойдет до – тут понтами не отмахаешься, тут надо будет стрелять. И попадать. А чтобы попадать – тренироваться, б..., надо. А где? ДОСААФ почти везде закрыли.

А американцы – это нация с винтовкой, они автомат могут в магазине купить. Ну утрирую, но немного. И пострелять у них... я одного американца знал лично, так вот у них в штате достаточно было отъехать на полторы мили от любого жилья, принять разумные меры предосторожности – и стреляй. И они только что прошли две войны. Так что профи там не просто много, а очень много. И моральные скрепы и победы

дедов против них не играют. Или ты их, или они тебя.

Но было что-то еще, я был в этом уверен. Ночное видение. Или термоприцелы. Они видели в темноте. Вот почему они перестреляли и Голову, и Гриву, и всех их парней, как кутят.

– Как там оказались американцы?

– А сам как думаешь? Думаешь, после того, как Путин и Трамп в десна облобызались, что-то изменилось? Есть мы. И есть они. Точка. Они никогда не остановятся, пока не решат проблему России так или иначе. Нам отступать тоже некуда. И плюс еще хохлы – они все больше играют самостоятельную игру. Их товар – русофобия, и на этот товар в мире всегда найдется покупатель. А воевать они научились.

– Правильно. Чего говорить, если на той стороне против нас теперь немало и донецких с луганскими. Мы же их предали. Слили, как какашки в унитаз. Ради братства с хохлами и дружбы с американцами. Я бы на их месте так же поступил.

Бояркин хватил кулаком по столу.

– Хватит! Ты что, не видишь, что происходит? Против нас – впервые за несколько десятков лет – не бандиты, не мафия, не Народные фронты – а государственная машина. Государственная машина сорокамиллионного государства. Против нас люди, которые ходили в те же школы, что и мы, учились тому же, чему учились мы, знают то же, что знаем мы. Они – это мы, только у них нет никакой другой цели, кроме нашего уничтожения!

Я смотрел в стол.

– Братства больше никакого нет. Есть взбесившиеся псы, жаждущие крови и мести. Украинцы такие же, как и мы, русские, потому они не умеют ни прощать, ни забывать, ни отступать. Хочешь, я назову тебе сотрудников органов, которые работают с той стороны?

Я упрямо смотрел в стол.

– Ты что-то понял? Или как в стену горох?

– Зачем тогда мы оставили их? Зачем сдали Новороссию? Зачем договорились по Донбассу? В четырнадцатом можно было все решить малой кровью.

...

– Зачем... Денис Владимирович... зачем? Вы понимаете, что многие из тех, что сейчас против нас, были бы за нас, вовремя мы вмешайся. Мы сами кинули их на растерзание волкам – а потом упрекаем, что они договорились с ними.

– Никто никого не кидал. Каждый сам выбрал свой путь. Кто хотел – тот мог выехать в Россию, и выехал.

Я покачал головой

– Лукавите. Кто их тут ждал...

Бояркин кашлянул... мне удалось пробить его.

– Значит, так. Решение было принято руководством страны. Мы люди военные, можем только под козырек. А сейчас нашей стране грозит смертельная опасность. И ты это понял – там, на складе, да?

– Кто там на самом деле был?

– Одно из двух. Либо спецназ, либо наемники. Тоже спец-

наз, только бывший.

...

– По данным СВР, в Великобритании в составе САС создана так называемая «красная команда», или «красное крыло». В него берут только тех, кто с детства свободно владеет русским. Понимаешь?

– Гастеры?

– Они самые. Половина Прибалтики – там. Они сами и их дети свободно владеют русским, многие смертельно ненавидят нас. Хватает и наших... переселенцев. Слишком много из тех, кто с детства говорит по-русски, теперь на той стороне.

...

– Аналогичное подразделение пытаются создать в США – но у них проблема с набором, в то время как британцы уже достигли степени оперативной готовности. Еще несколько боевых групп формируется на передовой линии – Прибалтика, Болгария, Грузия.

Здорово.

– Я-то что могу сделать? Я опер, а не силовик.

– Ты выжил там – это первое.

– Заныкался, как таракан.

– Хотя бы. Софринская бригада ВВ – не баран чихнул.

Два.

...

– Третье. От тебя и не требуется сходиться с ними в руко-

пашной. Мне нужны опера. Матерые, битые жизнью опера.

Да...

– Не мне тебе рассказывать, какие чудеса изворотливости приходится проявлять на оперативной работе.

Да уж. Когда начальство хочет сожрать, а коллеги – подставить, чтобы захватить крышуемые тобой объекты...

– Не сомневаюсь.

– Такие же чудеса изворотливости тебе придется проявить на новой работе. Я хочу не просто обрубать их концы здесь – я хочу добраться до них там.

– Это невозможно.

– Возможно, если постараться.

Бояркин сделал паузу.

– Короче?

– Нет, – сказал я.

– Почему?

– А знаете...

– Знаю!

...

– Знаю, как ты «Кристалл» крышуешь, как ты у дяди Вовы решалой. Не стремно?

Я посмотрел на своего наставника – зло посмотрел.

– А вам? Своих щемить – как?

– Ты мне не свой!

...

– Ты продаешься за деньги. Мне хочется только надеяться на то, что ты просто оступился, а не пошел по наклонной. И это – твой шанс. Снова стать своим. Не только для меня – для нас для всех. Как в штрафбате.

– Или что?

Молчание было ответом. Я уже понимал, что это не УСБ и живым мне отсюда не выйти.

– Я знаю все – но я даю шанс. Сделаем дело – уедешь из страны. И даже то, что ты насшибал, бери с собой.

– Куда?

– Что – куда?

– Ехать-то куда?

– А ты что – не думал, когда крышевал?

– Нет.

Я и в самом деле не думал. Как выбраться из страны – знал, а дальше...

Бояркин... думаю, он тоже понял, что я думаю сейчас про это про все. Как знал он и то, что меня не сломать. Именно потому, что у меня позвоночник гибкий. Я буду гнуться – но не сломаюсь. Нет.

– Речь не о твоих делах, – сказал он, – хотя я... ладно, проехали. Речь – о стране. Вот ты никогда не задумывался о том, что вот, есть огороженная территория, где мы живем. Как хотим, так и живем. И сами устанавливаем правила. И чтобы жить, чтобы жрать, в конце концов – хватает всем... уже тридцать лет почти жрем – а все хватает. А вот упустим

страну – и придут сюда те, кто нашим детям ничего не оставит. Будем, как в Ираке, дикарями на побегушках у белых господ. Нет, оружие нам оставят. И флаг. Но стрелять мы будем ровно в ту сторону, которую хозяева покажут. И торговать будем ровно на тех условиях, которые хозяева назовут. И долю будем засылать такую, какую скажут. Придут американцы, настроят тут магазинов, ферм, введут свои правила. А нашим детям ларька тут не останется.

...

– Хватит уже жрать. Кто-то должен и готовить.

Я невесело усмехнулся.

– Повар из меня плохой.

– Нормальный из тебя повар. Просто ты цель в жизни потерял. Не хватило тебя... но это бывает. Главное не то, сколько раз ты упал, главное – сколько раз поднялся. Понял?

...

– Короче, так. Сейчас подписываешь соглашение о сотрудничестве. И на камеру признаешься, откуда деньги на джип и квартиру. Это наш залог.

Я скептически усмехнулся.

– Смешного тут ничего нет. Мы многое знаем. От тебя даже говорить не требуется, просто мы зачитаем на камеру то, что мы знаем, а ты подтвердишь, что это так и есть. После чего отправляешься домой, будем готовить твоё внедрение. Тебе сообщим, от начальства тоже прикроем – официально тебя переводят в НИИ МВД. Но заниматься ты будешь, по-

нятно, другими вещами.

НИИ МВД – я усмехнулся. Срочный перевод в НИИ МВД – типа поделиться практическим опытом – для понимающего человека мог означать только одно: шкура задымилась, пахнет паленым. В институт убегали, когда плотно садились на хвост. Вершигорский, узнав, обделается – ведь если вышли на меня, то выйдут и на него. И начнут задавать вопросы – а почему доча на «Кайене» катается? Бизнесмен... точнее, бизнесвумен в двадцать четыре года...

– Можно вопрос, Денис Владимирович...

– Хоть два.

– РУБОП, я так понимаю, тайно восстановлен.

...

– Или он никогда и не разгонялся? А?

– Умный ты, Саша, – Бояркин тяжело вздохнул, – только почему-то все по-настоящему умные люди в системе нечисты на руку. А чисты – долбодятлы, которым ничего не поручишь. Почему так, а?

– А знаете, как говорится – если ты умный, то почему такой бедный? И не я это придумал, Денис Владимирович. А наша власть, перед которой вы берете под козырек...

Москва, Российская Федерация

13 мая 2019 года

Парламентеры
Один за другим,
И каждый знает
Горечь плода...

Виктор Цой

Москва...

Город, которого я так и не понял. Город, который не понял меня – и даже не пытался понять. Но это не важно. Он никого не пытается понять. Я мало видел людей, для которых этот город был бы родной. Он чужой для всех.

Может, потому, что он слишком большой. В Москве проживает четырнадцать миллионов человек, вместе с областью – смелые двадцать. Это больше, чем многие постсоветские государства, больше, чем половина европейских стран. За постсоветское время город прирос почти вдвое, большая часть новых москвичей приехала тупо срубить бабла. Для них тоже город чужой.

У меня в Москве была квартира, но небольшая и в «но-

вой Москве», дешёвая. Я понимал, что это не тот город, где я хочу встретить старость и смерть. Хотя смерть при моей профессии обычно приходит без приглашения...

И вот вечером в понедельник я открыл дверь в своей квартире. Все было так, как я оставил, – и все было по-другому.

Ни любви, ни тоски, ни жалости...

У меня здесь не было детей. Жены. Семьи. Ничего не было.

Теперь у меня не было и дома, потому что сюда какая-то сука влезла, пока меня не было.

Закрыв дверь, я начал обыскивать прихожую... потом остановился. А на хрена козе баян...

Достал из тайника деньги, сунул в карман. Уходя, закрыл дверь – возможно, сюда не вернусь...

Уже в машине зашел на сайт. Нужный вариант нашёлся быстро – однушка, свободна, двадцать – и въезжай. Оплата за месяц вперед...

Проснулся в чужой квартире – но странное дело, спал как убитый. Почему-то именно здесь я чувствовал себя в безопасности.

Было ещё темно. С телефона я зашел в Интернет, пошарился по новостным сайтам – ничего. Конечно, у нас сейчас скорее обсуждают, кто с кем спит в эстрадной тусовке, но два десятка трупов в Подмоскowie никак бы не прошли мимо первых полос. Бойня почище той, что была в Кущевке. А

вот как-то вышло – прошли. Ничего нет.

Вторник. Надо ехать на работу, но перед этим перетереть с дядей Вовой.

Дядя Вова – это Владимир Викторович Паркин, член ЛДПР. Всегда в проходной части списка, официально он... фермер. Фермерское хозяйство у него в самом деле есть и даже работает – хотя он давно в Москве. Как он приклеился к Владимиру Вольфовичу – не знаю. И не спрашивал никогда, лишнее это.

А так ВВ торгует по-крупному. Он одним из первых понял, что за продуктами – будущее, и когда началось импортозамещение, был во всеоружии. Чего он только не поставлял в Москву. Среднеазиатские овощи и фрукты, мясо из Европы через Беларусь, морепродукты. Плюс к этому, конечно же, контрабанда с Украины – водка, сигареты. Причем не только в Россию, но и в Европу. У него были ходы в Прибалтику – а там уже Европа, никакого досмотра. Раньше этим путем алюминий и цветмет гнали, теперь – левые сиги и бухло.

При этом сидел он скромно, многие даже не знали, где у него офис. «Мерс» – но предыдущей модели. Выходец из села, сын председателя колхоза, начинавший с фермерства на колхозных землях (то есть трактор твой, а урожай мой), он так и не напился московского гламура. И жену не менял...

У офиса ВВ я был утром. Долго присматривался перед тем, как войти – вроде ничего такого, можно. Наконец зашел.

Раньше тут был институт советский, потому пускали по пропускам, на таких бумажечках с печатью, разовых. Там навер-ху надо отметить, иначе не выпустят. Как мило...

Наверху тоже все было как обычно. На полу – линолеум. На потолке – знаете, такие плиты прессованные, белые, в дырочках. Когда протекает крыша, они напитывают воду, темнеют, а потом разламываются и падают. И свет такой, подслеповатый.

Зашел как свой. Кивнул на дверь.

– У себя?

– Только что приехал.

Ира – еще одно подтверждение того, что ВВ – фермер. Он ее привез из деревни... дерет, конечно, а как не драть. Он мужик, ему надо. Другое дело, что при его деньгах он мог бы позволить себе фотомодель – но нет, у него в приемной сидит деревенская телка. Хотя как-то ВВ проговорился, что только ей он и может доверять. Может, оно и правильно.

ВВ был в новом сером костюме. Чем-то доволен... странно. Чем тут можно быть довольным.

– Саша... чего вчера не отзванивал? Я уж успел подумать.

– Бухал, – сказал я.

– Ты же почти не употребляешь. Хотя... за такое дело можно и побухать...

...

– Ну, как говорится, считай деньги, не отходя от кассы.

С этими словами ВВ вытащил из стола котлету обандеро-

ленных пачек и положил передо мной. Я тупо смотрел на деньги.

– Считай, чего ты. Как баран на новые ворота?

Я взял пачку, пробежался по углам – все нормально вроде.

– Ты чего?

...

– Чего киснешь? Орел заслужил. Вы там такого шороха нагнали, что хохлы даже до сих пор предъявы не выкатили, сейчас сидят и обтекают, как так у них целый склад бухла из-под носа увели. Я уже послал людишек по точкам пробежаться и объявить, что теперь торгуем мы, и шаг влево, шаг вправо будет чревато.

Не знает. Он ничего не знает.

Зачистили с концами. А Голова, Грива – их подтягивал я, за них ВВ не в ответе. Получается, он ничего не знает. И дальше готов со мной работать.

И я бы готов был работать. Если бы не одно «но». Но очень большое «но».

– Еще одна тема наклеивается. В Литве. У тебя пацаны свободны?

– Нет, – я тут же поправился, – пока нет. Отдыхают пацаны...

Несмотря на то что всей России известен адрес Петровка, 38, наше ОРБ сидит не там. Мы сидим в Мясницком проезде, в здании, которое раньше принадлежало какому-то инсти-

туту... садоводства, что ли. Потом институт накрылся, здание какое-то время стояло под дешевой арендой покомнатно, потом здание снова оказалось в руках государства, его отремонтировали (не лучшим образом, кстати), передали его МВД и заселили нас. ОРБ-3, специализация – этнические преступные группировки, занимает две трети здания.

Привычно прокатав карточку доступа (придумали...) на входе, я кивнул знакомому прапору из охраны, зашел внутрь. Вот лифт, вот коридор, вот кабинет...

– Александр Игоревич...

– Потом...

Привычная обстановка... сейф, фотография на стене, стол. На столе – письменный прибор, мне его в прошлом году подарили...

Прошел к столу, поднял трубку телефона, набрал городской номер. Мне не ответили. И черт с ними...

Сел за стол. Почему-то все вокруг показалось чужим... совсем чужим.

Рассказать, как я стал ментом? Да тупо – закончил вуз, юрист по специальности, работы особо не было. У родителей оказались связи – сразу подняли к замминистра... республиканского, конечно, министерства, не федерального. Тот обрадовался... высшее юридическое... как я потом узнал – совсем незадолго до этого состоялась коллегия МВД, и там всех сильно драли за низкий образовательный уровень личного состава... милиционер – а ни бе, ни ме, ни кукареку.

Юридическое образование есть далеко не у всех, а у тех, у кого есть – заочное... не образование, а так. Вот потом и получается... что работники хамят гражданам, допускают грубейшие ошибки тупо потому, что не знают УК и УПК, и т. д. и т. п. Так что я, с очным высшим юридическим, оказался как нельзя ко двору, я и попал-то сразу в элитный ОБЭП. Это было как раз начало нулевых, и я опять попал в струю – за это десятилетие менты из загнанных, зачуханных шнырей превратились в уважаемых и богатых членов общества, которые могут себе позволить и дорогой отдых, и новую квартиру, и «Мерседес». И за все это время я стал одним из них, я принял условия и правила игры: клюй ближнего, гадь на нижнего, смотри в задницу верхним, я научился гнуть выю и заносить долю. Я просто принял эту систему и эту жизнь как должное, встроился в нее и преуспел. И до позавчерашнего дня я как-то и не думал, что может быть иначе.

А теперь... все было чужим. Все.

Жалел ли я? Отжалел уже. Конечно... в том, что произойдет, нет ничего приятного, но... к этому, наверное, и шло. И мне Бояркин предложил не самый худший еще вариант: искупить вину кровью. У системы есть еще одно правило, такое же жестокое и беспредельное, как она сама. Время от времени требуется кого-то сдать. И если решили сдать тебя – ты должен взять все на себя, свое и не свое, неважно, отдать все, что сумели найти, промолчать про товарищей, которые делали и делают то же, что и ты, и про начальство, которое

приказывало тебе это делать, – и идти на каторгу, в Нижний Тагил. Ментовская зона, самая старая – раньше хватало ее одной, а теперь их четыре, и все равно не хватает. Я же – если Бояркин сдержит слово, а он его обычно держит – не пойду по этапу. Мне предстоит нечто иное...

В дверь постучали. Ну вот и они. Игра началась. Мой звонок – это словно отмашка: можно. Как у адмирала Колчака, который сам командовал своим расстрелом...

Я с силой выдохнул: пора. Пересек кабинет, отпер дверь... за дверью гнусно улыбающийся Бабенко из инспекции, смотрящий в пол Саня Барыбин, один из моих оперов, и Гена Колташов – он кавказцами занимается. Переминающиеся с ноги на ногу бойцы ФЗ – физической защиты.

– Полковник Матросов Александр Игоревич?

Бабенко не скрывает своего ликования... почти не скрывает. Дурак. Запомнил он тот пикник на природе, когда я ему по морде заехал... запомнил. Дурак дураком... он и не понимает, что ему дали команду «фас», когда можно стало, а не он сам меня выследил и загнал. А может, ему все равно...

Ладно, банкуй...

– Он самый.

– Пройдите в кабинет.

– А в чем дело?

– Пройдите в кабинет...

Вечером – я вышел из здания Следственного комитета...

я не буду утомлять вас описаниями первого круга ментовского ада... короче говоря, с меня сняли первый допрос, взяли подписку о невыезде. Это самый минимум – то, что не взяли под стражу. Обычно берут...

Надо либо найти машину свою – а она все еще там, у института, либо ехать домой так, на такси или метро.

Прямо передо мной резко свернуло к тротуару такси, остановилось рядом с женщиной в светлом пальто. Мне это сразу не понравилось... как что-то в душе царапнуло. Проходя мимо прислушался, услышал чисто украинское «та» вместо «да», тормознул...

– Командир, до Сокольников...

Таксист... у него прическа была странная, с боков все уже заросло – но все равно видно, что волосы там короче, чем по центру. Понятно, откуда ноги растут.

Он тоже все понял – газанул, ударил женщину дверью, я успел ее подхватить...

– Вы... с ума сошли. Вы что... делаете...

– Спасая вас... – я поставил ее на тротуар, – не видите, к кому в машину садитесь? Он же хохол.

...

– Нашли бы вас потом в лесополосе, если бы вообще нашли.

Мне стало жаль ее. И делать все равно было нечего

– Пойдемте. Я вам нормальное такси найду. Меня, кстати, Александр зовут.

– Надя... – неуверенно сказала она.

После той ночи мы больше не увиделись... но я долго ее помнил. Все-таки есть что-то в русских женщинах такое... то, что позволяет растопить даже толстый лед, каким бывают покрыты наши души. И не их вина, что оттепель мимолетна, а вот зима – это надолго. Возможно даже, и навсегда...

Как-то раз один мент, не в жизни, а в фильме, сказал са-краментальную фразу: меня принимали в милицию полгода, а уволили за полдня. Нельзя выразить, как он был прав.

Только вот правота его ни к чему не ведет. Система живет, и мы, винтики этой системы, тоже живем. Система – жестокая, равнодушная, циничная, злая, как мачеха, но мы все равно продолжаем ей служить. Потому что большинство из нас уже не видят жизни вне стен системы. Ксива и возможность творить что хочешь от имени власти затягивают, как наркота.

Увольняли меня поспешно и суетно, по компрометирующим основаниям. Пригласили в центральный аппарат МВД на Житной. В свой кабинет меня вызвал зам – Царев. Под-халим и мразь, все, что он может, – это организовывать за-столья и заносить. Объявил об изгнании из племени, попросил сдать оружие и служебное удостоверение. Ствол я сдал – у меня не один в нычках заначен, удостоверение я сдавать не стал, заявил о пропаже. С этим я окончательно покинул стены МВД и оказался на улице.

– Александр Игоревич...

Я обернулся... Барыбин. Он сидел за рулем старого «Исудзу Трупер»... это я научил: хочешь крутую машину – купи поддержанную, может, даже хорошо поддержанную, и сохрани чек. Меньше проблем будет.

– Подвезу?

Значит, вот кого с отдела послали. Ну... не самый худший выбор... Барыбин был неофициальным лидером в коллективе.

Машина тронулась...

– Мы тут... в бардачке, короче. Сколько смогли...

Я открыл бардачок... там лежал пакет, обмотанный скотчем. Брат, не брат...

Отрицательно покачал головой

– Тезка, передай, кому интересно, – я ни к кому претензий не имею. Сам вляпался.

– Как помогло-то? – невесело сказал Барыбин. – Вы же... лучшим были.

Я цокнул языком:

– Бывает. Ладно, не пропаду.

– Чем заниматься-то будете?

– А что – интересуется? – остро глянул я.

– Да я так...

Так, блин...

– Была бы шея, знаешь. Сейчас не тридцать седьмой год, и на гражданке жить можно.

– Так...

– Кого назначили-то?

– И. о.⁴ – Лимника.

Ну как же. Этот умеет гнуть шею лучше остальных. Я вот что надо – делал, сколько надо – отдавал, но никогда не пресмыкался. Никогда. А Витя Лимник не просто вылизывал начальственную задницу, а делал это старательно и с душой.

И мне не хочется представлять, что будет, если его утвердят. Нет хуже хозяина, чем бывший раб.

– Нас тут Колеров зовет, – подтвердил мои опасения Барыбин, – мы для себя решили: если Лимника утвердят, мы уходим. Пофиг...

– Не спеши рубить сплеча, – сказал я, – попробую помочь.

Хотя я ни говорить, ни тем более делать это не был должен.

Москва, Российская Федерация

15 мая 2019 года

Следующий раз я встретился с Бояркиным через два дня, в Подмосковье. «Форд», точно такой же, как тот, который меня тогда и принял, забрал меня с московской улицы и по-

⁴ Исполняющим обязанности.

вез неведомо куда. Судя по времени, место, куда меня привезли, находилось между Третьим транспортным и МКАД.

Это место – уже не походило на заброшенную воинскую часть, скорее оно походило на воинскую часть действующую. Ряды новеньких казарменных быстровозводимых помещений, помещения побольше – то ли ангары, то ли тир, то ли еще что. Здание с антеннами – это, похоже, центр связи или что-то в этом роде.

На стене лозунги, запомнил один: «Бдительность – требование времени!»

Бояркина не было, а вместо этого ко мне прицепился улыбчивый такой малый, предложил пока показать базу – он так и сказал, базу. А Бояркин позже подойдет. Больше он был похож на торгового агента, впаривающего всякую ерунду, ходящего по офисам и продающего дорогие книжки, корбейника-офеню. Но для мента это было даже плюсом, к тому же такой показ – явно инициатива Бояркина. Маятник, как у Богомолова, только это не стрелковая дисциплина, а психологический прием. От мрачных подземелий с невысказанным обещанием там же и остаться – и до новенького, недавно отстроенного комплекса. Мол, смотри, как государство о нас заботится... будешь с нами, позаботится и о тебе... вы будете сыты, пьяны, и обо всем позаботится король. Ну-ну, Денис Владимирович, ну-ну. Маятник так маятник, просто... я ведь ваш ученик. И смею надеяться – хороший...

Первым делом мне показали тир. Приличный такой, ди-

ректриса пятьдесят метров, а не двадцать пять. По словам моего сопровождающего, стрелять можно хоть из крупнокалиберного пулемета. Там как раз занимались, у всей группы на лицах – маски. Удивил выбор оружия – китайские карабины Norinco CQ и «Вепри» в разных калибрах, но с автоматическим режимом огня. Я спросил, почему, и получил ответ, что с китайцами работают потому, что надо готовиться к возможной работе на Западе. А «Вепри» – они изначально разрабатывались для милицейского спецназа, но в серию не пошли, только на гражданский рынок и без автоматического огня. А игрушки хорошие, годные, вот их и клепают потихоньку ограниченными сериями для неназываемых заказчиков.

Группа закончила занятие, пострелял из «Вепря» и я... просто чтобы убедиться, что руки помнят. Ствол семьсот, нарез двести сорок и хороший, качественный прицел позволяют стрелять примерно как из СВД. Десять выстрелов уложил с разбросом в три сантиметра, даже поменьше – на пятьдесят метров с рук приличный результат. А почему «Вепрь», а не СВД... а потому что на вооружении не состоит, и всегда можно свалить на частных... мол, мы тут ни при чем, они по своей инициативе такое натворили. Эдакие колхозные хитрованы, я не я и лошадь не моя. На самом-то деле все всё прекрасно знают и понимают. Только Соединенным Штатам Америки позволено правдоподобно делать вид. Ну... и тем, кому США разрешили. А все остальные должны

тупо соответствовать. Ну как-то так...

Затем показали учебную базу... прилично, очень даже прилично. Новые рабочие места, классы. В одном из ангаров построен kill-house, то есть помещения с моделируемой обстановкой, пулеуловители, и вверху – переходы, чтобы инструкторы могли наблюдать за обучаемыми. У ангара, под навесом – оперативная техника: джипы, пикапы и седаны «Тойота». Похоже, что здесь в ускоренном порядке готовят оперативный состав, способный как вести оперативно-следственную работу, так и постоять при случае за себя. Комплекс рассчитан на обучение как минимум четырех групп по пятьдесят человек каждая.

– Кто здесь готовится? – спросил я

– Региональные опера в основном, – сказал мой чичероне, – по несколько десятков человек с каждого потенциально опасного региона. Потом на их основе будут формироваться ВСОГи, СОГи...⁵

– Белгород? Воронеж?

– Не только. Поволжье, казахское приграничье. Есть и украинские группы. Первый лучше объяснит.

– Первый?

– Товарищ Бояркин.

Товарищ даже. Хоть у нас в министерстве и обращались официально друг к другу – товарищ, в повседневной жизни

⁵ ВСОГ – временная сводная оперативная группа. СОГ – специальная огневая группа.

такое обращение не применялось. А тут, похоже, применяется.

– К нему-то когда пойдем?

– Он сейчас подъедет, задержался немного. Приказал показать вам базу. Есть еще подземный уровень, обучение боям в коммуникациях. Можем посмотреть.

– Как вы называетесь? – прищурившись, спросил я.

– Официального названия нет, по документам это курсы повышения квалификации. Неофициально – Смерш.

Смерш. Смерть шпионам. Я всегда с подозрением относился к громким названиям... чем громче слова, тем мельче и гнуснее дела. Но тут все выглядело более чем серьезно.

Бояркин подкатил минут через пять, на такой же, как под навесом, «Тойоте Камри». Когда он выходил, я заметил толщину двери. Бронированная, по крайней мере, от пистолета. Похоже, им карт-бланш дали, броневик трудно выбить даже в Чечне...

Кивком головы генерал отпустил моего провожатого, и мы пошли прогулочным шагом в сторону березовой аллеи. Посажена она была недавно, деревья были нам по грудь.

– Смерш... – сказал я.

– Напрасно смеешься. Вот скажи, готов ты умереть за миллион долларов?

Я пожал плечами:

– Зачем мне лимон на том свете.

– Вот видишь. А ради идеи люди готовы умереть. Мы никак не можем это понять, потому и проигрываем. Сначала хоббита́м – все придумываем, что там одни наркоманы и в ж... долбятся. А это не так. Потом придумываем, что на Майдане апельсинки наколотые⁶. А понять не можем, что люди, которые точно знают, «за что», вынесут любое «как».

Я отрицательно покачал головой.

– Не согласен?

– Нет.

– Почему?

– Да потому что я когда-то тоже верил. А потом... ну вы знаете, что случилось потом. Чем громче речи, тем грязнее дела. Не так?

– Верующий человек не бросит посещать церковь, если батюшка пропил деньги на ремонт. На своем месте я делаю то, что должен.

– Должен? – Я хотел спросить, кому должен, но спросил другое: – Как мы работаем? С чего начинаем?

– А ты сам скажи, как ты видишь внедрение?

Узнаю Бояркина. И старые времена. Старые добрые времена, когда у меня еще не было «Тойоты Ленд Круизер». Бояркин был одним из немногих старших офицеров МВД, которые спрашивали мнение подчиненных не ради приличия,

⁶ В 2004 году Людмила Янукович, выступая на митинге, заявила, что на Майдане апельсинки не простые, а наколотые. Эти слова стали поводом для немалого числа шуток и демотиваторов.

а потому что оно действительно было им интересно. Остальные жили по принципу: мы тут посоветовались, и я решил. Противно, но привычно.

Но в том, что в начале нулевых удалось разгромить наиболее дерзкие и крупные рэкетирские группировки, в том, что многие мафиози предпочли выехать кто в Испанию, кто в Дубай, немалая заслуга Бояркина. Смею надеяться, что и моя толика в этом труде есть...

– Как вижу? – сказал я. – Вы сами учили, что самая лучшая ложь на девяносто девять процентов состоит из правды. Кто я? Я – полковник милиции: грязный, коррумпированный, богатый, связанный с нелегальным водочным и сигаретным бизнесом. Будет ли удивительно, что меня рано или поздно возьмут за жабры? И куда мне в таком случае бежать, как не на Ридну Неньку? Буду политический беженец...

...

– Как?

Бояркин покачал головой

– Не верю.

– Почему?

– Наигранно. Полковник милиции никогда не будет политическим беженцем, или я чего-то не понимаю в нашей системе. Если у него остались деньги – он тупо уедет. Если нет – будет зарабатывать любыми способами. Но политика – это перебор. Не должно быть политики.

– Тогда через братву?

На сей раз Бояркин утвердительно кивнул.

– Только так. Допустим, у тебя в доме нашли энную сумму денег. Большие деньги. Слишком большие, чтобы они принадлежали только тебе. Значит, это общак. А за потерю общака – будет спрос, так?

– И деваться мне будет некуда.

– Вот именно. Это – первый уровень легенды. А второй... допустим, общак на самом деле и не уходил никуда. А просто некий прохаванный полковник милиции, которого вот-вот должны были как минимум уволить, а то и принять, которому нужны были деньги, чтобы раскрутиться, договорился со своими коллегами. Они подломили общак, а потом раздербанили его. И все шито-крыто.

Теперь уже я покачал головой

– Не поверят. Слишком нагло.

– А тут и не надо верить. Достаточно лишь подозрений. Люди легко верят в плохое, особенно сейчас. Вот тебе и причина, почему ты без крайней надобности не хочешь возвращаться на территорию России, понимаешь? Причина, почему ты с опаской имеешь дело с русскими и вообще шифруешься. Не надо говорить об этом. Человек всегда верит в то, о чем додумается сам. Особенно в плохое...

Да уж... если что я и понял за время службы – так это то, что нет предела злу. И зло это творим мы сами...

– Хорошо, – сказал я, – принимаем как рабочую версию. Вопрос второй – что нужно? Я так понял, что основные пото-

ки сигарет и бухла у вас под контролем. Фигуранты известны. Почему бы просто не остановить этот поток?

– Остановить... ты знаешь, что такое Эннискиллен?

– Нет.

– ИРА взорвала там бомбу. Погибло больше десяти человек. Конечно, по нынешним временам это так, мелкая неприятность, но для тех времен это был шок. Для всей Англии. А так война в Северной Ирландии продолжалась двадцать пять лет и закончилась по двум причинам: общее снижение напряженности в Европе и большие, по-настоящему большие деньги. Британцы просто залили проблему деньгами. У нас нет ни того ни другого – ни разрядки, ни денег на такую страну, как Украина. И ты, наверное, понимаешь, что от Украины, как и от Кавказа, невозможно отгородиться стеной.

Я кивнул. Действительно, это очень наивно думать, что если мы, скажем, отделим Кавказ и построим стену в десять метров высотой, то у нас решится проблема этнических кавказских ОПГ. То же самое и с Украиной. Даже хуже. Украина – независимое государство, и те методы наведения порядка, какие применялись на Кавказе, к Украине неприменимы.

– ...закончилось строительство моста в Крым. Железнодорожный переход даст возможность крымской промышленности работать на экспорт через Новороссийск и Тамань. Все понимали, что после того, как мост будет достроен, процессы станут необратимыми, украинцы костыли лягут, чтобы этого

не допустить. Вторая проблема – это проблема Украины и России в целом. По результатам реализации Минских соглашений каждая из сторон считает себя проигравшей и готова мстить. Кроваво мстить. В этом найдутся помощники. Но я больше боюсь не бомб в Севастополе... и даже в Москве. Нас уже взрывали...

...

– ...Я больше всего боюсь, что все это движение с водкой, с сигаретами, с большими деньгами – все это часть чего-то большего. Майдана, крупного теракта или серии терактов... войны – да чего угодно. Вы только край копнули – и уже два десятка трупов. В Москве и Подмосковье все больше украинцев – донецких, днепровских, киевских, львовских – всяких. Что у них на уме, мы не знаем. Все они держатся вместе, занимаются криминальными делами, у них есть транспорт, они покупают недвижимость. Посмотри, сколько украинцев в такси – они могут перемещаться по городу, узнают его, заодно и деньги зарабатывают. Посмотри, сколько украинцев в строительстве – что им мешает заложить взрывное устройство в конструкцию дома еще на этапе строительства? У нас полным ходом идет формирование нового криминального этнического сообщества – украинского, причем оно может быть опаснее, чем все кавказские. Я хочу знать, что происходит и когда в воздухе запахнет новым Бесланом или Эн-нискилленом. Я хочу заложить в него бомбу еще на этапе формирования. Я хочу, чтобы у меня на Украине был че-

ловек, имеющий прямой доступ к информации, и хорошие, заранее подготовленные позиции. Лучше, чем криминал, не придумать. Вот для этого ты мне и нужен...

Я про себя подумал, что я хоть и мало знаю про ИРА, но пару фильмов посмотрел, ради общего развития. С предателями и внедренными агентами разговор был короткий. И мучительный...

– У меня еще одно условие есть.

– Еще?!

– Отдел. И.о. там назначили Лимника. Подхалим и мразь, но его кадры проталкивают. Пацаны собираются уходить.

– Кого видишь?

– Барыбина.

– Почему?

– Неплохой опер, неформальный лидер в коллективе. При нем отдел точно не развалится.

Барыбин кивнул.

– Решим. Теперь давай вернемся к твоему внедрению...

Три года спустя

Донецкая область, Украина

17 февраля 2022 года

Изгой

Говорят, что в Древней Греции смертная казнь была не высшей мерой наказания. Высшей мерой было изгнание. Когда человек изгонялся из полиса, государства граждан, лишался гражданских прав и становился изгоем. Это было все равно что смерть, только отложенная. Первая ступенька на пути в ад.

Сейчас это выглядит смешно... ну подумаешь, из города выгнали. Люди перестали нуждаться друг в друге, изгнание перестало быть мерой наказания. Изгоняемый может встать и сказать: да пошел ты на х...! Да пошли вы все туда же! И уйти. Мир большой, приткнуться есть где. Так и катимся мы по жизни – шарами. Большими, железными шарами, и горе тому, кто попадет нам на пути.

А у нас – весна...

На Украине весна немного не такая, как в России, – здесь и зим-то почти нет. Уже в феврале, редко в марте стремительно буреет и тает снег, чернеет земля, освобождается от остатков льда Днепр. И солнышко пытается отогреть не только землю, но и закованные в ледяную броню души.

Такие, как моя...

Административную границу удалось проскочить быстро – там надо ночью ехать, а то полдня простоишь, – и к утру я уже был на государственной. Границы России и Украины. России и Донецкой АТО, административно-территориальной области, так называется новое автономное образование в составе Украины. Здесь своя полиция, местные налоги, местные силы самообороны, не действует закон о языке – впрочем, он нигде толком не действует, кроме Львова. Так бесславно и бесстыдно закончилась эта война, хотя... наверное, дурной мир все же лучше доброй ссоры. Наверное...

На границе мне надо встретить конвой с Ростова. Там... ну неважно, что там. По ходу поймете...

Кто я сейчас? В японской философии было понятие «ронин» – самурай, потерявший своего господина. В Японии было высшей формой бесчестия, когда ты жив, а твой господин мертв, никакой другой господин не захочет, чтобы ты был его слугой. Так и скитались ронины остаток жизни по островам, подрабатывая кто чем – кто воровством, кто и заказными убийствами.

Но для меня и таких, как я, слово «ронин» — излишне... возвышенное, что ли. Есть в нем какая-то патетика... а в том, кто мы есть, патетики нет никакой. Мы сволочи — вот самое точное определение. Кто-то бежит от правосудия. Кто-то тупо зашибает бабло. Кто-то тупо не может жить иначе. Вот это — мы...

Донецк встречал вымытыми улицами и тротуарами, ментами на каждом шагу (мент — одна из самых популярных тут профессий), светящимися в ночи вывесками обменников и увеселительных заведений. Все пришло на круги своя. Пес вернулся к своей блевотине. Тыл победил фронт. И уже сейчас, всего через пять лет после того, как тут сражались и умирали, война кажется дурным сном... миражом, наваждением. Хотя те, кто тогда сражался и умирал — и кто теперь стал никому не нужен, что с той стороны, что с этой, — дурным сном называют мир. Этот мир.

Парадокс — но именно такой Донецк, Донецк незамиренный, Донецк неукраинский — нужен киевским властям. Разделяй и властвуй — не мы придумали. Любая власть твердо стоит лишь на двух ногах, двух опорах. И вторая нога — как раз Донецк. Не будет Донецка — и откуда же брать титушек, и на кого же сваливать скотское существование и разворованную под ноль страну?

Милицейский «Приус» вывернул из темноты, засветился огнями, как рождественская елка. Я притормозил у тротуара, вылез из машины. Навстречу мне из «Приуса» выбрался

сухой как палка, с красивой проседью в волосах человек лет сорока. Новенькая военная форма без знаков различия, автомат через плечо...

– Саня...

– Татарин...

Это – еще те времена. Когда не было мира, а была война, но можно было дышать, не задыхаясь. Татарин был у Ходаковского, то есть – человек Ахметова. Сейчас Ахметов так и не вернулся на Донбасс, и Ходак...

Ну, в общем, сами потом поймете.

– Как сам...

– Живем, хлеб жуем. Ты?

– Норм...

Недавно появилась новая тема... прибыльная. Обратная тяга называется. Хамадей, Луга-Нова... там все-таки свои темы и слишком много нюансов и лишних звеньев в цепочке. Ну сами подумайте – если брать спиртягу, то сначала надо завезти на Луганск бутылку и акцизки, то есть проплатить на административной границе. Спирт – тоже надо завезти, тоже проплатить. Ну и... вы представляете, сколько около каждого завода вьется всякой мрази? И каждая хочет свой хоть маленький, но кусок.

Прибавьте к этому то, что на Украине каждый хочет корову доить, но никто не хочет ее кормить, потому что то, что ты надоил и продал – оно твое, а корм – завтра, может быть, эта корова станет уже не твоей, и какой смысл ее тогда кор-

мать? Вот и норовит каждая мразь корову не только не покормить, но и зарезать. Потому что мясо дороже молока на базаре идет, а то, что коровы больше не будет – пофиг. Это я для чего перед вами распинаюсь? Да для того, чтобы вы дотумкали – на Украине бизнесом заниматься нельзя. Тупо – нельзя. Климат не тот. Не предпринимательский. А если и можно, то так, чтобы как можно меньше вкладывать, что в оборотку, что в основные⁷. Тогда меньше шансов, что отожмут...

А с той стороны границы – Россия. Ростов, где еще с советских времен мощнейшая табачная индустрия, и Кавказ, в частности – Осетия, где еще с девяностых мощнейшая водочная индустрия. И там климат совсем другой, там коровку-то холят и лелеют, и кормят вовремя. И потому себестоимость там совсем другая выходит, и качество – не в пример.

И вот придумал я (именно я, это моя тема) – заменить Хамадей и Луга-Нову на поставках левого товара в Европу на российские предприятия.

Схема следующая. Товар изготавливается на российских фабриках, неучтенкой, и под украинскими этикетками. Договоренности что в Ростове, что в Осетии есть – местная налоговая и менты закрывают на это глаза, потому что товар попадает не на наши полки, а идет за границу, то есть в Украину и дальше – в ЕС. Налоговая система левак, ко-

⁷ Основные средства – здания, станки, транспорт – имущественный комплекс бизнеса.

торый уходит за пределы страны, не видит. Хозяевам предприятий выгодно, мы дозагружаем им мощности – они тоже закрывают на это глаза. Местные власти получают дополнительные рабочие места и зарплаты, решение социальных проблем. Украинцы же зарабатывают не на производстве, а на транзите через территорию всей страны. Товар идет через всю Украину, его передают с рук на руки, из области в область, и каждый имеет свой кусок: донецкие, киевские, львовские. Дальше львовские через Чоп⁸ отправляют товар в Европу, где он продается по цене в десять раз выше его себестоимости. При таком наваре жрать хватает всем. И все довольны, все гогочут.

Я когда эту схему пробивал, думал – не согласятся. Согласились, и еще как. Никому не хочется заниматься производством, нанимать людей, иметь проблемы и платить налоги, а вот иметь долю за то, что проходит по дорогам твоего региона, – это запросто, это за милую душу. Тупо иметь деньги на карман, пусть не такие большие, как при производстве, но без проблем, и не делиться ни с кем. Феодалы, мать твою. Феодалный тип мышления тут настолько развит, что просто диву даешься. Как говорила моя бабушка – оно чтобы лезло, да не болело. Вот это оно. Украинское. Другой вопрос, за счет чего будет жить страна – но это как раз здесь мало кого колышет. Здесь все патриоты только на словах – все гото-

⁸ Поселок Чоп – один из основных пунктов пропуска на украинско-польской границе. Таможенники там за год становятся миллионерами.

вы на словах умереть за Украину, но никто не готов платить святому украинскому государству налоги...

Ладно... проехали, в общем.

Этот конвой был уже не первым и даже не десятым... он, как и все прочие, дойдет до Львова, а там перегрузится на другие машины и пойдет в Европу... но сейчас всплыла новая тема. Моя украинская, точнее – донецкая крыша обратилась ко мне и спросила, а нельзя ли делать левый товар под украинскими акцизками, для внутреннего потребления. Я кое с кем проконсультировался и дал ответ – а чому ні? Можно, суть-то та же, просто на бутылку еще и акцизки наклеить. Вот потому я здесь лично и вот почему со мной Марат-татарин. У него в машине как раз акцизки, несколько ящиков в багажнике и на заднем сиденье. Эти акцизки – мы сдаем моим российским контрагентам, а на выходе следующим рейсом получаем несколько машин товара для внутреннего пользования, скажем так...

И все довольны, все гогочут...

И вы думаете, так только с водкой и с бухлом? Ошибаетесь. В последнее время в украинских магазинах все больше российской птицы и свинины, они, конечно, с украинскими марками, но я-то знаю, что к чему. Россия кормит Украину – когда такое было? А сейчас – есть. Причина все та же – один с сошкой и семеро с ложкой. Так нельзя работать...

Обнимаясь с Татаринцом я смотрю на дорогу, за ним. Вроде никого – лучше перепровериться, чтобы не упали на

ХВОСТ.

- Все норм?
- Обижаешь.
- Сколько там?
- Пол-лимона.
- Нормально.
- Только, извини, под роспись. С меня тоже спросят.
- Да не вопрос...

Я смотрю на машину... за водительским местом – хлопчик с автоматом. Сейчас вылез – стоит, кстати, неплохо, грамотно.

- Это кто?
- Племянник мой. Да не колотись ты, парень дельный.
- Да я вижу. Откуда он?
- Служил. Ну че, тронулись? Прокатим с ветерком.
- Поехали...

Идем на юго-восток.

Еще прохладно, особенно по ночам – но в салоне «Патруля» тепло, напевает Вакарчук... странно, но Вакарчук поет по-украински, а слушают и любят его все, в том числе и русские. И никакого отторжения это не вызывает. Быть может, потому, что Вакарчук талантлив, а талант не имеет национальности. И на каком бы языке ни пел Вакарчук, его будут слушать. Проблема в том, что таких талантов, как Вакарчук, мало, а вот посредственностей, типа скачущей по сцене без

трусов Русланы, – полно...

Стрелка у нас забита в Донецке, но не том Донецке, о котором вы подумали. Российском Донецке. Дело в том, что Донецкий каменноугольный бассейн имеет ответвление и в России, Шахты, Донецк – это все Донбасс. В свое время в российском Донецке тоже были шахты, потом их закрыли – нерентабельно. Регион стал депрессивным, сейчас оживает благодаря тому, что туда переселяются украинцы и русские с Восточной Украины. Ростов так скоро вовсе с пригородами и спутниками двухмиллионником станет. Для нас Донецк хорош тем, что он недалеко от границы, и там полно заброшенных зданий. Там теперь склады, кое-где и производства – мы все это под логистику используем, перевалочные базы.

Недалеко от границы есть точка, там вообще-то раньше дальнобойщики обслуживались, но сейчас там какие только дела не творятся. Заезжаем. Здесь Татарин оставит свой полицейский «Приус», и дальше мы поедem на моей, а заберем, как пройдем границу. И пока Татарин идет здоровкаться с хозяином и спрашивать, как дела на границе, нет ли там каких проверяющих из Киева, или Москвы, или других каких тем левых, мы с племянником начинаем перекидывать в просторный багажник «Патруля» мешки с акцизками.

– Зовут-то как? – спрашиваю.

– Ильдар.

– А где служил?

– В «Айдаре»...

Вот это дела...

– И как служилось?

– Да нормально... – отвечает с вызовом.

Все, тему закрыли...

Появляется Татарин, в обеих руках у него вертелы с истекающим жиром мясом – респект от хозяина.

Граница... пропускной пункт. С легковушки – пятьсот гривен, с «газельки» – три тысячи, с фуры – от десятки, в зависимости от того, чего везешь.

Реализация минских угод, однако коррупционные потоки на границе переданы украинской стороне на освоение.

Украинские «мытники» и погранцы сначала шугались, особенно не местные, потом освоились. Всего делов-то – закрывать глаза на то, что скажут, да регулярно засылать долю начальству. Все как везде, и все как всегда. Закрывай глаза на маленькие гешефты местных – и никто тебя пальцем не тронет.

У пропускного пункта с обеих сторон стихийные рынки, торгуют в розницу и мелким оптом. Толпится народ с окрестных сел – это «подсадка». Дело в том, что по закону если пересекаешь границу, то килькость (количество) беспошлинного товара, якого ты маєшь бескоштовно перевезти, считается на человека. То есть если в машине пять человек сидит, то ты имеешь право перевезти в пять раз больше, чем если бы в машине был один человек. Вот местные и

зарабатывают на этом – подсаживаются за денежку малую и едут типа в Россию. Потом перебираются в Украину обратно. Невелик заработок – но учитывая, что зарплата в Донецке сто долларов в месяц, и ту не платят... Ну и... везут в Россию всякую мелочовку, с огорода, с подворья, там продают – цены-то намного выше, и притом в рублях.

Но это все мелочь... люди с приграничья выживают, как могут. Я – как белый человек – с понтом подъезжаю на первый пост, высовываюсь из машины...

– Старшего позови...

Старшего смены сегодня зовут Игорь. Он с Закарпатья, работал на венгерском кордоне. По национальности он русин, потомок русских, которых в двенадцатом веке татарское нашествие загнало за Карпаты. Их язык не понимают ни русские, ни украинцы – это смесь русского (даже древнерусского), украинского, польского, венгерского, румынского и немецкого. Закарпатская гвара. В отличие от западных украинцев, они не признают ни грекокатоликов, ни филаретовских «томосников»⁹ и строго ходят в Московский патриархат. Люди это добрейшие, но, к сожалению, и вороватейшие. Крестьяне. Жизнь у них тяжелая, и если появляется возмож-

⁹ «Патриарх» Филарет – после того, как проиграл выборы Митрополита Алексия II, вернулся на Украину и увел часть украинской православной церкви в раскол. Раскол этот все время независимости поддерживается украинскими властями, которые мечтают о единой поместной украинской церкви. При этом украинская православная церковь Московского патриархата автокефальна, то есть имущественно самостоятельна, и поддерживает с Москвой только духовную связь.

ность что-то взять от нее – они берут.

Игорь...

Обнимаемся. Вылезает и Марат.

– Салам алейкум...

– О... какие люди...

Пока обнимаемся, незаметно сую в карман Игорю скрутку долларов. Мне интересно, а почему не сделать форму таможенникам так же, как и крупье в казино, – без карманов? Но не делают отчего-то. Может, потому, что в этих карманах заинтересованы все, начиная от начальника поста и заканчивая Банковой.

– Втроем едете?

– Да.

– А это кто с тобой?

– Племянник.

– Ну и добре...

Понизив голос, спрашиваю:

– Обратно – ночью. Хорошо?

– Айно¹⁰...

Хорошо, когда люди такие понятливые. В машине бандит (то есть я), донецкий мент и бывший айдаровец, в багажнике два автомата, снайперская винтовка (моя) – и все файно (красиво). Вражда между Украиной и Россией могла бы стать материалом для десятка хороших комедий. Если бы не трупы, не разорванные снарядами дети и не та бездна нена-

¹⁰ Айно – хорошо, положительно, да.

висти, которую мы вылили друг на друга...

В Россию я проезжаю еще проще – тупо показываю спецталон (российский) и прокатываюсь. Про меня местные знают, не все, конечно. Просто знают, что у меня мохнатая лапа в Москве, и значит, такие мэны, как я, имеют право на проезд всюду. Машину тоже не досматривают...

Ярко освещенный огнями пост в степи остается позади, со стороны России накатывает чернильная тьма, освещенный последними лучами заходящего солнца Запад остается за спиной. На телефоны приходят приветственные эсэмэски от ростовских сотовых операторов. Я резко прибавляю скорость – дорога разом становится гладкой, это же Россия. Вакарчука на радио меняет Шевчук...

Когда идет дождь...

Когда в глаза свет...

Проходящих мимо машин

И никого нет...

На дорожных столбах венки

Как маяки...

Прожитых лет

Как ты в пути...

Россия...

На погрузку прибываем совсем потемну...

Фуры в темноте, их много, два десятка – по мелочи мы

не работаем. Их уже погрузили – так-то товар прошел по железке, мимо ментовских постов на дороге, и уже тут его перегрузили на фуры. В темноте – фары и люстры джипов... это Бираг. По-осетински – волк. Он выходец из известной и авторитетной на родине семьи, его прапрапрадеды еще императорам служили. Бизнес начинал дед, он служил в Западной группе войск и первые деньги сделал на том, что пригонял на Кавказ первые «Мерседесы» и «БМВ». Хвастался, что в свое время пригнал «Мерседес» Джохару Дудаеву. Потом занялся водкой... когда через Верхний Ларс из Грузии хлынул поток левого спирта, но одним из первых сообразил, что дело надо ставить на легальную платформу. Одним из первых же начал вкладывать деньги в курортную недвижимость, заниматься застройкой. Потом, когда в Сочи началась предолимпиадная лихорадка, все это хорошо отбилось. Уже отец Бирага придумывал новые схемы... типа торговли с Абхазией и Южной Осетией. А сам Бираг через меня уже зашел на европейский рынок. Он же отвечает за поставки левого табака на табачные фабрики, благо табак культивируют и в Абхазии, и в Осетии, и в Чечне, и учета этого табака нет.

Есть, правда, проблемка. Знаете, в чем? Она в том, что Бираг... как бы это сказать, зарывается, что ли. Скромнее надо быть. Вот на хрена, скажите на милость, он купил джип «Мазерати»? Не знаете? И я не знаю. Но купил. И зачем-то таскает с собой свору нукеров, привлекает внимание. Частично я сам виноват – пару раз вытащил из неприятностей,

когда он в них вляпался. И он, похоже, решил, что у него тоже есть пропуск на все случаи жизни...

Выбираемся из машин... очередные объезды. Как-то раз я прочитал, что церемония объездов появилась тогда, когда надо было обыскать того, с кем обнимаешься, на предмет скрытой под одеждой кольчуги или ножа за поясом. С тех пор, по крайней мере в криминальном мире, ничего не изменилось.

– Как жизнь?

– Норм... С тобой?

– Да...

Быстро шепчу на ухо:

– *Бандосами своими не свети, будь скромнее. Отцу скажу.*

Вслух это нельзя, а на ухо можно. Нельзя публично ронять авторитет мужчины, тем более – кавказского мужчины.

И уже громко, с шутливым наездом:

– Товар показывай, да...

Вскрываем таможенные пломбы – они уже украинские, но пломбировщик у нас есть. Юридически товар пойдет через Украину транзитом, но уже на Украине он «пропадет» – схема «оборванного транзита», придумал ее Курченко, ставший на этом самым молодым миллиардером Украины, но он применял ее к топливу – а мы так водяру и сиги возим. И нам миллиардерами не надо, нам бы миллионерами – и то ладно. Ну... мультимиллионерами. Наполовину разгружаем, доста-

ем бутылку, вскрываем и разливаем. Отпиваю немного, катаю на языке. Это уже мое требование, я изначально заявил и Бирагу, и старшим – качество должно быть. Нельзя тупо налить в бутылку сивуху или метиловый спирт, отравится кто – мы больше потеряем. Мы кидаем государство, и даже не одно, но людей не кидаем.

Пьем. Смакуем. Пьют и украинцы, и Бираг – но не я, мне хватит, я за рулем. Остаток весь выпивает Марат... он у нас единственный не за рулем, а пьет только так, хоть и мусульманин. Мент, чего с него возьмешь... Качество – норм... сивухи совсем не чувствуется. Очищенный спирт плюс вода.

– Норм... – выношу вердикт я.

– Доброй дороги... – шумно выдыхает Бираг... – как обычно?

– Да...

Это мы про оплату. Деньги уйдут, когда груз примут львовские...

Хлопают дверцы машин, тяжело взрываются двигатели. Пошли...

Обратный путь. Мы идем первыми, колонна фуры тяжело прет за нами. Как тогда с гуманитаркой ходили, только теперь... интересная у нас гуманитарка. У самой границы делимся... нельзя, чтобы колонна проскакивала сразу вся, а ну как журналисты заснимут, как двадцать фуры заходит на территорию ДНР с Ростовской области, – то-то скандал будет.

Правда, в последнее время снимать острые репортажи желающих все меньше... чревато это. Был тут один, в Донецке... про игорную мафию писал, про то, что Донецк становится Лас-Вегасом для всего русского Юга, и всего украинского Востока заодно, что особый режим автономной территории в составе Украины используется в своих целях мафиозными группировками, связанными как с Банковой, так и с Кремлем. Недавно пропал...

Я заруливаю на таможню и останавливаюсь. Тут я буду стоять, пока крайняя фура не пройдет, потом догоню. Племянник спит на переднем, а вот Марат куда-то собрался.

– Ты куда?

– Да живот прищемило что-то...

Фуры проходят за два часа, они соберутся там, дальше, на одной из стоянок. Снова заходим на территорию Украины и мы, доезжаем до «Приуса». Марат... похоже, и в самом деле съел что-то... вон в поту весь. Я тоже еле на ногах стою, но по другой причине – не спал, да еще и нервы. Выхлебываю одну за другой две «Флешки» – популярный тут тонизирующий напиток. Говорят, по печени бьет, а что делать? Ничего, доведу колонну, такой расслабон устрою. Первый раз сразу двадцать фур ведем...

Полицейский «Приус» с цветомузыкой устремляется вперед, в ночь, а я немного приторможу. Есть тут еще дельце...

Одна из фур сломалась, я обхожу ее, мигаю фарами – давай за мной.

Тут недалеко...

Условная точка находится недалеко от нуля – бывшей линии размежевания между украинскими силами и ДНР. Сейчас линия размежевания напоминает о себе лишь сломанными деревьями да постепенно осыпающимися, оплывающими, зарастающими травой капонирами. Посты остались, но войсковые соединения действительно отведены. Фронта больше нет, на линии разграничения миротворцы стоят, но не везде.

Кругом поля, далекие терриконы да посадки... вдалеке село... до войны под тысячу жило, сейчас хорошо, если двести стариков и старух наберется – те, кому некуда идти. Нищая украинская глубинка. Бездарная, слитая, не то выигранная, не то проигранная война...

Нам сюда.

«Мерседес» взрывает, пытаясь тащить тяжеленную фуру через хлябь некогда рокадной дороги... хрипит, но тащит – я специально на эту фуру мощную голову¹¹ поставил, не «Сканию-Гриффин» для бедных какую ни то. Наконец, останавливается. За рулем Олежа, свой парень, напарник его – тоже. Втроем справимся...

Открываем фуру. Снимаем ряд с бутылками... иначе ни-

¹¹ Голова – тягач на сленге дальнобойщиков.

как. За ним – большие ящики. Я тут был давеча, место подобрал и даже пометил – координаты по GPS взял. Большой блиндаж, там мы и заложим нычку...

Выстилаем все толстой пленкой, задуваем возможные щели строительной пеной. Потом начинаем спускать вниз и таскать в образовавшуюся нычку ящики. Еще бросим губки – чтобы воду впитывало.

Ящиков должно быть шестнадцать.

Открываем один из ящиков наугад. Там – восемь стареньких, но годных «ксюх»¹², каждая в индивидуальном запаянном пакете. В других ящиках – внасыпку «макаровы», СВМ и СВД с оптикой. Патроны... этого добра можно и в магазине купить, но тут патроны необычные. Бронебойно-зажигательные, бронебойные, трассирующие...

Наконец, отдельно – подарок лично от генерала Бояркина донецкому сопротивлению. Две ОСВ-96¹³, по двести сбалансированных снайперских патронов новосибирского производства к ним. Винтовки были отгружены большой партией сирийскому спецназу, потом были изъяты у боевиков, и отследить их невозможно.

Четыре коробки с водкой кладу от себя – подарок тем, кто

¹² АКС-74У. После того, как полицию стали массово перевооружать на «Витязи» и МА, остались невостребованными в больших количествах.

¹³ Крупнокалиберная полуавтоматическая снайперская винтовка калибра 12,7 миллиметра. Проиграла конкурс ковровской АВСК, но выпускается небольшими партиями для инозаказчиков и МВД. Используется армиями и войсками специального назначения Беларуси, Йемена, Ирана, Сирии.

придет. Это не потому, что русские без водки не могут, – водка нужна и для дезинфекции, и чтобы согреться, и как валюта – на водку можно все что угодно выменять. Мелькает мысль, что не стоит себя так явно светить, но потом думаю, хрен с ним. Отбрехаюсь в случае чего. Это бухло везде – хоть оптом, хоть в розницу.

Закрываем. Закапываем. Пусть лежит. И удачи тем, кто придет...

Там, вдалеке, едва заметный свет на горизонте – это Славыанск. Город, откуда все начиналось и где было начало конца. Может быть, он же станет и новым началом...

С трудом выбираемся на трассу. «Мерс» грязнее грязи, «Патруль» не лучше. Даю последние указания Олегу.

– Гони в темпе, я помедленнее поеду. Увидишь мойку – машину помой. И... как договаривались

– Нет вопросов... – «Мерседес» стартует в ночь...

А я минут пять постою, потом поеду...

А вы как думали, будет? Сделаем шито-крыто и обо всем забудем? Да нет, мои маленькие друзья, не получится так. Ни хрена не получится, и все это понимают. Никто не забыт и ничто не забыто – ни концлагерь в Краматорске, ни харьковская крытка, ни одесские жареные колорады, ни «донецкая мадонна» – мать с ребенком, которую настиг украинский снаряд. За все придется платить. Может, лет сорок-пятьдесят назад все бы и прокатило. Но не сейчас. Время сейчас такое – войны начинаются, но не заканчиваются, потому что

проигравшая сторона неизменно переходит к террору¹⁴. А специфика Украины в том, что здесь проигравшими чувствуют себя обе стороны.

И мне плевать, правильно это или нет. Потому что люди, которых сожгли в Одессе, были русские. И та мать с ребенком тоже была русская.

И я – русский.

Свет фар внезапно высвечивает стоящий на обочине «Приус»... мы уже прошли Донецкую область и ушли на Полтаву. Тот, не тот? Останавливаюсь... что могло произойти?

Обхожу машину – тот! От открывшейся в свете фар картины холодеет внутри... Ильдар... у машины... делает кому-то искусственное дыхание. Мелькнула мысль – человека сбили... но нет, ни хрена.

Марат это.

Отталкиваю его... хватаю руку... пульс... не пойму – есть или нет.

– Что случилось?

– Он... я не знаю... захрипел... говорил, что плохо ему...

¹⁴ Небольшой пример. Ирак – разгромное поражение во второй войне с США привело к тому, что иракцы обратились к радикальному исламу и создали самую чудовищную террористическую организацию из всех когда-либо существовавших – Исламское государство. То же самое может произойти и на Украине. По мнению автора, появление украинского и, возможно, пророссийского терроризма на Украине – вопрос времени.

– В «Швыдку»¹⁵ звони!

– Да звонил! Какая сейчас «Швыдка»?!

Это точно. В постмайданной Украине денег на «Скорую» нет. Тем более в провинции и ночью...

И у меня сердце колотится, как сумасшедшее...

– Искусственное дыхание можешь?

– Да!

– Делай! А я на трассу!

Надо машину поймать. Любую. А то так и сдохнем тут...

Полтавская область, Украина

Центральная больница

21 февраля 2022 года

Короче говоря... задаю я своему ангелу-хранителю работы. Ох задаю...

Пришел в себя я на кушетке... кушетка белая, старая, неудобная. Потолок тоже белый. И на потолке – паутина трещин.

Я смотрел – и не мог понять их смысл.

¹⁵ «Скорую».

Потом попытался встать, но обнаружил, что привязан ремнями. Потом обнаружил и еще кое-что – что у меня в обе вены вставлены иглы, и капают мне какую-то дрянь...

Пришли ко мне часа через два. Все это время я лежал, закрыв глаза, и думал. И передумал я многое...

Потом я услышал шаги двух человек... тяжелые и легкие. Мужчина и женщина, скорее всего. И аромат духов... ненавязчивый, легкий.

– Доктор... его можно будет допросить?

– Анна Владиславовна... не знаю, что и сказать. Побеседовать-то вы можете... только вот он может и не помнить ничего. Такие отравления часто заканчиваются амнезией.

Отравления. Я был отравлен.

Точно. Отравлен.

Та проклятая водка. Меня тупо отравили... сделали, как пацана...

– Доктор... у него...

Я понял, что раскрыт, – и открыл глаза.

Первое, что я увидел, – волосы. Роскошная корона волос, медно-рыжих, не уложенных – но от того не менее шикарных. И глаза... я не сразу определил их цвет. Что-то среднее между синим и зеленым...

Может, это уже рай? Или его преддверие?

– Отойдите, голубушка, сейчас...

Надо мной появилось лицо доктора, менее впечатляющее,

сразу скажу. Он всматривался мне в глаза, а потом направил в глаз луч небольшого, но мощного фонарика, от которого глаз заслезился и заболела голова...

– Голова не кружится?

...

– Следите за моим пальцем...

Как я потом узнал, привязали меня к кровати потому, что я метался в бреду и мог вырвать иглы из вен. Сейчас меня отвязали и даже подсадили поудобнее, чтобы я мог дать показания.

Как там... Подозреваемым был. Обвиняемым был – меня постоянно в чем-нибудь да обвиняли. Потерпевшим мне еще бывать не приходилось...

Но мне было плевать на то, в каком качестве я здесь нахожусь. Плевать из-за женщины, которая сидела напротив меня.

Чтобы вы понимали, я – обычный мужик, и вкусы у меня обычные. Ну в смысле – это не значит, что я люблю женщин, а не мужчин, это значит, что мой идеал женщины близок к среднестатистическому. Ну то есть девяносто – шестьдесят – девяносто и рост... ну сто семьдесят пять, к примеру. В Киеве найти красивую спутницу не проблема, особенно если у тебя есть деньги и если у тебя есть сила. Второе даже важнее, чем первое, потому что в Киеве полно насилия, и мужчина, способный защитить женщину, будет всегда нарасхват. Эта

женщина под идеал не подходила... рост немного, но повыше... немного нестандартное лицо... но эти волосы... и эти глаза...

Короче говоря, можете считать меня спятившим старым идиотом, но я смотрел на нее, как пацан сопливый...

– Александр Игоревич...

– Он самый... – кашлянул я.

– Следователь Ивонина, генеральная прокуратура. Мне поручено вести следствие по факту...

Она вдруг поняла. И я – понял.

– Что... – откашлялся я... – воды дайте...

Она поднялась... налила воды из графина. Я мельком отметил, что обручального кольца на пальце нет, хотя след от него остался.

– Спасибо... – от воды сразу стало легче, в горле пересохло... – Марат... Марат, да?

– Полковник Исупов скончался от острого отравления. Мне поручено вести следствие по факту его смерти, а также вашего отравления.

Я ничего не ответил.

– Начнем с самого начала.

– Какое сегодня число... – перебил я.

– Одиннадцатое, – несколько удивленно ответила она.

Два дня. Получается... два дня я уже здесь.

– Откуда вы знаете... знали полковника Исупова?

– Я работал в РУБОПе, в Москве. Исупов работал в вашем

УБОЗ. Мы дружили...

Ивонина достала из сумочки диктофон.

– Я буду записывать, вы не возражаете?

– Записывайте... мне все равно.

– Что это значит?

– Это я виноват... я.

– Вы можете пояснить?

– Мы с Маратом... созвонились... договорились встретиться. Я спешил и... купил водку по дороге.

– Купили водку по дороге? У кого?

Я закрыл глаза.

– Я не помню...

Следачка ушла... обещала еще побеспокоить... но я как-то был даже и не против. Проблема была в другом – я не сомневался в том, что все, что произошло, – спланированная акция, и фуры с водкой ушли.

Как пацана сделали...

Я попался на одну простую ловушку: если Бираг пьет, то и я пью. Ничего в бутылке быть не может. Ну и... бутылку выбрали случайно. А оно вот как получилось...

Марат в морге лежит. Я – на больничке. Груз ушел с концами. Двадцать фур безакцизного бухла – большой куш, очень большой...

Как же так-то, б...

Я дурак – ствол с собой, на случай чего сообщил куда на-

до, чтобы прикрыли – в России, понятное дело. А они тупо меня траванули.

И что теперь делать?

Потом до меня дошло еще кое-что... то, что заставило меня похолодеть. Полтава. Я в Полтаве. Значит, фуры пропали не на территории Донецкой области. Согласно договоренности, я отвечал за прохождение Полтавской и Киевской областей. Донецкие отвечали за Донецк, на границе Киевской области товар принимали львовские, и дальше он шел под львовскими машинами ДАИ. Но раз это произошло в Полтавской области – пропавший груз повесят на меня. И пофиг, что меня самого чуть не кончили. Твоя земля – отвечай...

Значит, эти двадцать фур зависли на мне. И так как осетинам за водку не уплачено, а львовяне, судя по всему, товар не приняли, платить придется мне...

Вот такие вот делишки, котаны.

Поспрошал доктора... благо заначка была при мне, я всегда ношу. Он рассказал, что привезли нас ночью, какой-то мужик (не помню). Мне досталось меньше всего, Ильдара сразу в реанимацию... еле откачали, пришлось на искусственную почку, а Марата уже мертвого привезли. С концами.

Пожертвовал пять тысяч долларов. На аппарат гемодиализа – он дорогой, бляха. Пусть еще кому-то по-может.

Спросил, что это могло быть, – док плечами пожал. Ска-

зал, похоже на алкогольное отравление. Только я-то знал, что на самом деле последнее, что мы пили, – пили водку на пробу, еще на российской территории. И значит, мы проехали, получается, Донецкую область всю, перед этим два часа границу проходили, потом Днепропетровскую зацепили и Полтавщину немного – и только потом почувствовали себя плохо. Не бывает таких алкогольных отравлений.

Спросил, в каком состоянии Ильдар и можно ли его увидеть. Сказали, что завтра можно.

На следующий день я впервые нормально поел – бульончику с сухарями. Украина – страна вкусная, не то что Москва с ее гидропоническими фруктами и напичканными антибиотиками «синими птицами» – тут много деревенского, своего. Потому и бульон был вкусный, наваристый, жирный. Не из «синей птицы».

В палате было открыто окно, хотя прохладно еще. На койке лежал Ильдар... белый и пятна какие-то красные... но живой. По нынешним временам – и то хорошо. Я подошел поближе, тронул его за руку, он открыл глаза...

– Вы... что...

– Траванули нас.

– Б...

– Когда водку пробовали... вкус... помнишь?

– Ничего... не помню.

Вот то-то и оно. И я не помню. А мы ведь не пацаны, я

с этой водкой, и паленой, и настоящей, столько дела имел, не может быть, чтобы не распознал палево. А вот как-то не распознал.

...

– В голове... пустота...

– Все нормально... живы... и слава богу...

– Марат... Назимович... с ним... что

И я соврал. Просто не смог сказать правду. Сил не хватило.

– Жив он... в реанимации. Он... больше нас выпил.

Про то, что Марат лежит в морге, я сказать не смог. Не люблю я выпивку, равнодушен к ней. Вот и из той проклятой бутылки не выпил... пригубил только, треть стакана примерно. Ильдар и Бираг выпили, сколько налили – по стакану. А Марат допил за нами...

Терпеть не могу моргов...

Да, я, бывший полковник полиции, бывший опер, терпеть не могу моргов.

Морг – это финал всего. В морге все равны – и нищие, и миллионеры. И пока они тут лежат, с биркой на ноге, – кто-то рядом пьет водку, закусывает... те, кто работает в морге, – они привыкают. А это – оскорбление смерти. И вообще... не стоит сюда заходить. Как бы не повести смерть за собой. Я когда еще маленьким был, бабушка учила – с похорон всегда возвращайся другой дорогой. Обмани смерть...

Увы... смерть сегодня хитрая... не обманешь.

Марат, Марат...

Знаете... мы с ним и подружались-то в основном потому, что он – как бы копия меня. Офицер из Донецка, переведенный в Киев, вынужденный постоянно приспосабливаться к обстоятельствам и к жизни, полной такой шизы, что блевать тянет. Русский, вынужденный изощряться и учить украинский язык, стоять в долбанутом шевченковском уголке и слушать какой-то бред про Кобзаря и Украину – это у них тут теперь вместо читок «Малой земли» Брежнева¹⁶, научившийся на «Слава Украине» быстро отвечать «Героям слава!», потому что иначе тут нельзя. У нас тоже бреда хватало, но на Украине все было жестче и обостреннее – но Марат и остальные менты как-то выживали и выкручивались, как и вся другая страна, ходившая на руках исключительно потому, что москали ходят на ногах. Утрирую, конечно, но немного. Потом произошел 2014 год... сам Марат, кстати, видел в тех событиях и нечто светлое, потому что жить и дальше во вранье, называть белое черным и делать вид всей страной, что черное есть белое, а белое есть черное, было уже невозможно. Ну не может существовать страна, в которой в одной ее части чтят память генерала Ватутина, а в другой – память его убийц. В общем-то, был шанс мирно разойтись и попро-

¹⁶ В каждом украинском госучреждении теперь вместо красного уголка есть шевченковский уголок или комната, там висит портрет Т. Г. Шевченко, под ним на полочке на рушнике лежит книга «Кобзарь». В каждом городе Украины обязательно есть памятник Шевченко, и не один.

бовать стать друг другу добрыми соседями... Украина и Новороссия. Но все пошло через одно место, и через несколько лет вражды, ненависти и массовых убийств все снова пришло к тому же... читать Кобзаря и быстро отвечать «Героям слава». Видимо, место тут какое-то проклятое...

Удивительно, но Марат был намного более жизнерадостным человеком, чем я. У него постоянно были женщины, и не одна, он не копил деньги – тратил то, что получал, легко, мог просто кому-то одолжить и не требовать потом возврата. Я был намного большим куркулем, чем он, я русский – но во мне было намного больше украинского, я тут отлично вписывался...

А теперь я стою, а вот он – лежит. И больше никогда не встанет. Тупо потому, что я лишь отхлебнул, а он допил остальное...

– Он?

Это был уже местный дознаватель. Следачка куда-то подевалась.

Я кивнул.

– Справку когда выдадите?¹⁷

– Постараемся побыстрее. У него родственники есть?

Я покачал головой:

– Родственников нет.

Жена Марата развелась с ним и уехала в Канаду, туда же увезла детей. Во время войны занималась волонтерством –

¹⁷ О том, что можно хоронить.

собирала и посылала теплые вещи для добровольческих батальонов, которые убивали ее родной Донбасс. Дочь училась в хорошей школе, а у сына Марата были гомосексуальные отношения со своим однокурсником. Он участвовал в проекте ЛГБТ-Канада по поддержке российских и украинских геев...

Семьи у Марата не было.

Киев, Украина

Здание Генеральной прокуратуры

22 февраля 2022 года

В жизни любого следственного работника есть документ, который определяет многое. Если не все. Это уголовно-процессуальный кодекс.

В 2012 году Украина последней среди стран СНГ приняла новый уголовно-процессуальный кодекс – до этого обходились подреставрированным советским, образца 1978 года, если память не изменяет. И если старый УПК был не идеален, но позволял как-то работать, то новый был просто ужасен.

Взяли старый УПК и попытались внести в него требования по защите «прав людины и громадянина», предъявляемые Советом Европы, – тогда еще в ЕС думали вступать. В итоге получилось, что работать по новому кодексу просто невозможно.

Упразднили доследственную проверку – теперь возбуждаться следовало по каждому материалу, даже откровенно левому и дикому. Если раньше следственные действия (основные) согласовывались с прокуратурой (точнее, с зампрокурора по надзору за следствием), то теперь они подлежали согласованию с судьей, и получилось так, что каждый судья теперь в день давал до четырехсот санкций (понятно, что при этом он ничего не читал и тупо штамповал решения), а так как суды и следствие сидели в разных местах, время тратилось еще и на дорогу. Хуже того, появилось понятие «процессуальный руководитель» (это, видимо, тот самый зампрокурора по надзору за следствием), и согласовывать надо было еще и с ним. Все материалы, в том числе отказные, подлежали внесению в «Единую систему криминальных проваджень», которая постоянно висла – а учитывая количество этих материалов, следователь мог весь день только и делать, что заносить и заносить материалы. Оперативная работа фактически прекратилась – теперь «негласны слидчи дии» следовало согласовывать в суде, при этом в курсе дела оказывалось не менее двадцати человек. В 2016 году СБУ попыталось согласовать так называемые «литерные ме-

роприятия» в отношении посла Германии в Украине, занятого не совсем дипломатической работой, – в итоге один из помощников судьи выложил запрос СБУ в «Фейсбуке»¹⁸, и работа в отношении посла Германии была сорвана, а также вспыхнул дипломатический скандал. Практически прекратилась работа по ОПГ, потому что вести ее было невозможно.

Все это дало свои кровавые всходы, усугубленные Майданом и войной. Количество преступлений в целом по стране возросло вдвое, в Киеве вчетверо, количество грабежей – в восемь, изнасилований – в одиннадцать, а преступлений террористической направленности – в четыреста раз¹⁹. Раскрываемость убийств составила пять процентов – то есть из двадцати убийц девятнадцать оставались безнаказанными. Каждый день в стране происходило сто шестьдесят только зарегистрированных изнасилований, из них шестнадцать – гомосексуальных. Массовый характер приобрели торговля оружием, похищение людей за выкуп, нападения на суды, массовые беспорядки. Озлобленные, поставленные в безвыходное положение люди в любой ситуации начинали применять насилие, начинали жечь и избивать, будь то слишком плотная застройка, слишком много цыган в поселке, полицейские опять кого-то убили...

В 2016 году Украина установила рекорд по уровню пре-

¹⁸ Это реальный факт.

¹⁹ Это реальные цифры на 2016 год. Потом, вероятно, будет еще хуже.

ступности – почти четыреста тысяч только зарегистрированных преступлений за год. Получается, что каждый сотый житель страны за год стал жертвой преступления. Это слишком много. Фактически в стране началось криминальное восстание, а в некоторых местах, таких как области добычи янтаря в Полесье, перестала существовать иная власть, кроме власти криминала.

После того как выполнили Минские соглашения, девятый вал преступности пошел на спад: часть группировок перебила друг друга, что-то удалось раскрыть, кого-то посадили. Тем не менее и сейчас уровень преступности оставался экстремально высоким, а раскрываемость – низкой. Бандиты, среди которых было немало бывших ментов и атошников, безнаказанно орудовали годами.

Удар криминала пришелся на совершенно деморализованные, не готовые к адекватному ответу, демонизированные правоохранительные органы, в которых было к тому же немало женщин. Среди последних была и следователь Ивонина.

Следователем она стала после Майдана, на который сама выходила, и носила майдановцам поест, и даже укрывала избитого «Беркутом» парня в своей квартире. Тогда она работала помощником судьи. Весной 2014 года они поженились – перед тем, как его призвали. Игорь ушел на войну, а она решила стать полицейской в новой нацполиции.

Игоря не убили. По крайней мере, физически. Он вернул-

ся с войны законченным садистом и наркоманом, постоянно срывающимся и то и дело пускающим в ход кулаки. Она пыталась его лечить, устраивала в клиники для наркозависимых – но он, выходя из клиники, снова срывался и начинал употреблять. Однажды он рассказал ей о том, как он и его товарищи расстреляли нескольких подозреваемых в сепаратизме и закопали их в лесополосе. И что он не может с этим теперь жить.

Два года назад они расстались – и в том же году она перешла из патрульной полиции в детективы. На полгода она ездила в США на обучение – потому-то и расстались. Детективом она показала себя хорошим, и ее недавно перевели следователем в Генеральную прокуратуру Украины. Игорь время от времени приходил... он завязал, но жить нормальной человеческой жизнью так и не мог.

Ее первым делом об убийстве на новом месте работы – возможном убийстве – в прокуратуре стало дело об отравлении полковника милиции Исупова, и она намеревалась сделать все, как надо.

Она сходила в морг, попросила сделать вскрытие – ей отказали, но, по крайней мере, она взяла все необходимые образцы, чтобы отвезти в Киев в лабораторию. Там же она назначит и вскрытие, просто надо будет санкцию получить. Но у нее со знакомствами в судебной системе проблем с этим не было. Теперь надо было поговорить с выжившими.

Выживших – судя по протоколам полиции, оформлявшей

происшествие, — было двое. Ильдар Юшук, капитан полиции, и некий Александр Матросов, русский, но с гражданством Украины. И тот и другой оказались в больнице в состоянии тяжелого алкогольного отравления, но их сумели спасти. Она поговорила с лечащим врачом — состояние, угрожавшее жизни, было на самом деле. То есть нельзя говорить о том, что кто-то из них или они оба сознательно приняли немного фальсифицированной водки, чтобы скрыть причастность к убийству третьего.

Юшуку до сих пор было плохо, и рассказ его не отличался необычностью. Ехали, дядя (Исупов приходился Юшуку дядей) захрипел, он остановил машину, подбежал ехавший следом Матросов. Они попытались спасти дядю, но тоже почувствовали себя плохо. До этого ели шашлык и выпили водки. Да, понятное дело, что за рулем нельзя, но они выпили немного, а дядя допил все остальное. Бутылку выкинули по дороге. Необычного вкуса не почувствовали. Матросова знает... знал дядя.

Матросов был более интересен... в конце концов, со своим первым образованием психолога она разбиралась в людях. Во-первых, типично доминирующий тип личности, готовый руководитель или предприниматель. Во-вторых, ей показалось, что он свой, то есть имел какое-то отношение к правоохранительным органам. В-третьих, ей показалось, что он лжет...

Или чего-то недоговаривает.

Надо было ехать в Киев, но перед этим она заехала на базу патрульной полиции... там работал Вадик Берестенко, он начинал в киевском патруле... а сейчас возглавлял Полтавский.

Ее Вадик помнил. Выставил чай, на первый же вопрос усмехнулся.

– Ты, мать, где живешь?

– А что?

– Матросов – полковник московского УБОЗа. К нам сбежал.

– Как сбежал? – не поняла она.

– Да так. Его в Москве приняли за взятки, отпустили под подписку, он ноги в руки – и к нам. У нас сейчас не страна – свалка. С Грузии воры в законе, с России депутаты, менты вот проворовавшиеся – все к нам.

– Как же мы его...

– Приняли? Да, наверное, не за спасибо. Помнишь, шум был, у какого-то полкана в Москве при обыске восемь ярдов готивкою²⁰ нашли? Этот тоже не бедствовал, наверное.

...

– Ты бы лучше не трогала его, мать. При его-то деньгах у него наверняка солидная крыша в Киеве. Знаешь ведь, рука руку моет...

– Кто вызвал полицию?

– Да Матросов и вызвал. По мобиле. Мы подъехали, трое

²⁰ Наличными.

лежат, один холодный уже, двое еще дышат. Едва успели, хорошо, один из моих запах спиртного почувствовал, догадался. Ты же знаешь, мать, сейчас какую только дрянь не разливают. Боярышник – он ведь не только на России боярышник...

– Запись можно послушать?

– Можно. Лучше пошли посмотрим, что мы у него в машине нашли...

Вернувшись в Киев, Ивонина сразу пошла на доклад к начальству – дело переставало быть томным. Учитывая тот факт, что бывший генпрокурор теперь сидел на Банковой, прокуратура была в фаворе, но еще одно громкое раскрытое дело не повредит.

Непосредственным начальником Ивониной был Игнат Сергеевич Барышник, бывший прокурор одного из районов Сумщины. Он был осторожным – что выражалось в том, что он всегда избегал неприятностей, даже в ущерб делу. В то же время он считался честным – то есть внаглую ничьи интересы не лоббировал и дела не закрывал. В Генеральной прокуратуре он занимался контролем правоохранительных органов. Тема была скользкая, полномочия пересекались с НАБУ, и осторожность тут была как раз кстати.

– Разрешите, Игнат Сергеевич?

Барышник – коротенький, толстый, метр в прыжке, – стоя на стуле, поправлял висевший над головой портрет.

– А... Ивонина. Заходи. Как?

Портрет был президента Украины, размером чуть ли не полметра на полметра. Неизвестно, с кого началось это соревнование портретов, но теперь каждый начальник так и норовил заказать портрет побольше. Вешали часто на тот же гвоздик, отчего портрет мог в любое время упасть и огреть хозяина по голове...

Кстати, неофициальной кличкой любого президента Украины теперь было не «сам», а «портрет».

– Немного криво, Игнат Сергеевич.

– В какую сторону?

– Влево.

– А так?

– Так нормально.

– Ну и добре...

Барышник неловко слез со стула, и Ивонина вдруг заметила, что костюм-то на нем новый, а вот подтяжки – старые, потрепанные, еще советские...

– Как съездила, чего там? Закрывать?

– Я бы не спешила, Игнат Сергеевич.

– Это почему?

– Не все там ясно...

– А чего там неясного? Я звонил в Полтавскую прокуратуру, там все ясно – хлебнули паленки и... с приветом.

Ивонина открыла папку...

– Вместе с отравившимися был бывший полковник мос-

ковского УБОП Александр Матросов – здесь он у нас числится политическим беженцем, хотя в России его преследуют за взятки и злоупотребления по службе. У него есть паспорт гражданина Украины на имя Олександра Матросова. Так вот, он отравился вместе с Ющуком и Исуповым и был доставлен в Полтавскую областную больницу, а его машина попала в полицию и была осмотрена. И вот что в ней нашли... при осмотре автомобиля «Ниссан Патруль» номер АВ2346БК обнаружены и изъяты: автоматическая винтовка «Норинко», производство Китай, и девяносто патронов к ней, охотничий карабин «Вепрь 111», два магазина и сорок патронов типа «Экстра», автоматический пистолет «Вальтер» с дарственной табличкой «От министра внутренних дел Украины», два магазина и тридцать шесть патронов к нему. Также обнаружены документы на имя...

– Это ты мне для чего рассказываешь?

– Но...

– У тебя клиенты траванулись или их застрелили?

– Игнат Сергеевич...

– Стволы, как я понимаю, с документами. Так?

...

– Ну и разыскивай того барыгу, который Матросову водку продал. Что не ясно?

– Игнат Сергеевич. Мне кажется, что Матросов лжет.

– В чем лжет?

– В том, куда он ездил с Ющуком и Исуповым и зачем. У

него в машине не было телефона, навигатор отключен. Они куда-то ездили. Куда-то, куда они не хотели, чтобы мы знали.

– И что? Это домыслы.

– А вот в машине полковника Исупова – в служебной машине, кстати – датчик геопозиционирования не был отключен... его вообще невозможно до конца отключить. И знаете, куда ездил Исупов?

...

– В Донецкую область.

– В АТО?

Ивонина победно улыбнулась.

– В нее. Я проверила по карте – он останавливался всего в десяти километрах от русской границы, и машина там стояла почти три часа. Потом поехала обратно, в Киев. А второй отравленный, Ильдар Ющук, – бывший боец БТН «Айдар».

Барышник покачал головой:

– Не вижу.

– Простите?

– Состава не вижу. Что ты, собственно, хочешь доказать?

...

– Что Матросов, предположим, купил здесь гражданство, нехило проплатив кому-то на Банковой? Что они ездили в Донецк? Что Исупов и Ющук, возможно, нечисты на руку? Что из всего этого следует-то?

– Игнат Сергеевич, я не верю, что полковник полиции из центрального аппарата просто отравился водкой.

– Э... вот тут ты напрасно. Знаешь... так обычно и бывает. Люди по-глупому гибнут... авария... отравился... под машину попал. Девять из десяти смертей именно такие.

– А если... если это десятый?

...

– Игнат Сергеевич, погиб наш коллега.

– Умер. Ты дело ювелиров сдаешь?

– Там все готово.

– Тогда у тебя есть время. Скажем... два дня. Или ты мне даешь что-то конкретное, на основании чего можно возбуждаться. Или отписываешь материал как не криминальный.

– Поняла.

– Иди.

Еще с советских времен Киев, оспаривавший у Ленинграда звание второго по значению города державы, имел серьезную научную базу, здесь было размещено множество различных НИИ, от ядерных до сельскохозяйственных, работала Академия наук Украины. Сейчас все было разбито, разворовано, растащено, но кое-что еще оставалось. Тем более что в девяностые, когда еще не было такого страшного, беспросветного лиха и казалось, что вот-вот – и Украина воспрянет, в Украину переехало немало специалистов из республик Кавказа и Средней Азии, где наука в те времена совсем не была нужна. Как-то так получалось... Украина, несмотря на свою хроническую слабость, – казалась островком свободы,

и люди ехали именно сюда...

Среди них был и доктор Вахтанг Тарамадзе, специалист от Бога, работавший в грузинской Академии наук и бежавший из Тбилиси во время войны, когда по президентскому дворцу в Тбилиси били пушки, стоявшие на проспекте Руставели. Веселое тогда было время...

Доктор Вахтанг встретил Анну приветливо, сразу закрыл дверь. Ему было под восемьдесят, и он по-кавказски галантно ухаживал за Анной, намекая на то, что его дед в восемьдесят пять еще пользовался вниманием женщин. Аня воспринимала это... возможно, и потому, что больше за ней и не ухаживал никто. После неудачного замужества она все больше превращалась в загнанную лошадь...

– Смотри... что с Грузии прислали.

С заговорщическим видом доктор поставил на стол оплетенную соломой бутыль.

– А!

– Что это, дядя Вахтанг?

– Мцарашени.

Она улыбнулась

– Напоить меня хотите, дядя Вахтанг?

– Какое напоить, Аня... это сок виноградный, в нем крепости-то – градусов пять-семь. Это солнце золотое, земля грузинская...

Выпили. Вино было действительно вкусное, легкое...

– Дядя Вахтанг... я хотела спросить у вас по образцам...

– Каким образцам, красавица?

– Образцам из Полтавы...

Доктор Тарамадзе внезапно посерьезнел.

– Нет там ничего.

– Точно?

...

– Точно...

Пожилой кавказец взглянул на Анну... и она внезапно по-ежилась... столь неожиданен и необычен был этот взгляд.

– Аня... послушай меня.

...

– Забудь это дело, в чем бы оно ни заключалось. Забудь и в голову не бери.

– Все так серьезно?

– Более чем.

– Тогда мне тем более надо знать.

– Там нечего знать.

– Есть, – упорно произнесла Анна.

Старый доктор долго молчал, потом налил себе полный бокал и молча, без тостов выпил. Налил еще один.

– Старый я дурак...

...

– Знаешь, Аня, я только тут, в Украине, верующим стал. Грехи думал замолить, да... ладно. Не замолить, видно, такое...

...

– Сколько человек так отравилось?

– Трое.

– Что с ними стало?

– Двое живы. Один умер.

– Сколько они выпили? Каждый.

– Говорят, что бутылку на троих.

– Они лгут. Если бы они выпили бутылку на троих, никого из них не было бы в живых.

Анна снова поежилась, как от сквозняка.

– Сколько же они выпили?

– Немного. Те, кто выжили... грамм двадцать-тридцать. Не больше.

– То есть пригубили.

– Да, одного бокала им уже хватило бы.

– Это был яд, дядя Вахтанг?

– Да.

– Какой?

Кавказец снова долго молчал. Потом заговорил.

– Еще при Советском Союзе в Тбилиси был институт. Он занимался болезнями растений... но это было только написано у него на вывеске. И был еще один институт, по изучению редких тропических болезней. В нем начинал работать я....

...

– В начале восьмидесятых по заказу КГБ мы разрабатывали яды, применение которых можно было бы замаскиро-

вать под несчастный случай... например, пищевое или алкогольное отравление. Яд, который можно добавить в пищу, подсыпать в бокал... идеальное убийство – которое ни один врач не сочтет убийством. И такие яды были созданы.

– В крови Исупова был именно этот яд?

Кавказец печально улыбнулся:

– В крови Исупова не было ничего, кроме продуктов алкогольного распада. Все выглядит так, что он отравился спиртным... и очень достоверно выглядит. Если не знать клинической картины, которая наступает при отравлении этим ядом. Можешь смело писать – отравление алкоголем. Я бы так и поступил.

Анна покачала головой.

– Так нельзя. Вы представляете, что это значит? Это значит, что есть убийцы, которые могут убивать безнаказанно.

– Они всегда были, Анечка...

...

– Когда мы разрабатывали эти... яды, их проверяли на заключенных. Нам говорили, что эти люди приговорены к смертной казни, но мы не знали, так это или нет. Иногда яд действовал, как мы и предполагали. А иногда нет. Кто-то оставался в живых, а кто-то умирал в страшных мучениях. Вот от этого, Аня, я бегу всю жизнь, которая мне была отмерена. А Господь отказывается забирать меня. Не нужен я ему.

...

– Вот представь себе, Аня. Двадцать семь лет. Мне в двадцать семь лет выдали ордер на покупку новой «Волги». По госцене²¹. В двадцать семь лет. Тбилиси, «Волга»... Аня... Знал бы я, во что мне обойдется эта «Волга»...

Аня поежилась

– Это был... КГБ?

– КГБ, не КГБ... какая разница, Аня. Каждый решает сам за себя. Меня вот машиной купили. Одного моего сокурсника купили тем, что старого врага их семьи посадили на пятнадцать лет. У каждого есть своя цена, Аня. И мы сами ее устанавливаем. Мы сами, а никакое не КГБ. Мы сами, Аня...

Анна налила себе вина – целый бокал. Она никогда так не делала тоже. В голове был полный сумбур... то, что казалось простым преступлением, превращалось во что-то inferнальное.

– Как назывался этот яд, дядя Вахтанг?

– У него не было названия. Как и у всех остальных. Номера. У этого был номер двенадцатый.

– Эти яды забирало КГБ?

– Кто же нам скажет... может, и КГБ.

– Этот институт есть и сейчас?

– Ничего нет, Аня. Но когда я уезжал из Тбилиси – он еще был. Хотя никому не был нужен.

Ей пришла в голову мысль.

²¹ То есть в несколько раз дешевле, чем она покупалась на кавказском черном рынке.

– Как выглядит этот яд?

– Бесцветная жидкость, без вкуса... без запаха. Можно до-
бавить... или просто мазнуть по бокалу

– А каков... срок ... годности.

– Годности? Если правильно, в химически чистой среде
высушить и упаковать – то можно хранить вечно. Потом –
просто развести.

– Водой?

– Да. Химически чистой водой. Несколько капель.

Аня помолчала, потом спросила

– Вы не подпишете протокол вскрытия?

– Отчего же.

– Но напишете там...

– Алкогольное отравление.

Диктофон в сумочке – она привыкла носить его с собой –
записал каждое слово.

Из здания института Анна направилась обратно в проку-
ратуру, но на полпути внезапно свернула... Там была кофей-
ня... мобильная. Продавали львовский горячий кофе, или
каву. Ей надо было согреться...

Стаканчик с кофе жег пальцы – но она почти не чувство-
вала этого... руки были холодными, как лед...

Как лед...

Жуткая история человека, которого она знала уже два го-
да – познакомились, когда искала врачей, чтобы вывести Ва-

дима из зависимости, – потрясла ее... трудно было поверить, что жизнерадостный пожилой грузин-доктор создавал яды, которые убивают людей. И даже наблюдал за их действием.

Каждый из нас сам назначает себе цену. Сам, а никакое не КГБ...

Какова ее цена? Какова цена их всех?

Что теперь делать?

Она понимала, что жестоко будет забыть старика и не приходить больше. Но как пить вино с человеком, который убивал людей?

И тут ее как током продернуло.

А как она спала с человеком, который убивал людей? Это другое? А чем, собственно? Чем отличается Вадим? Тем, что он убивал сепаров, колорадов и ватников?

И так же теперь мучается.

*И пишутся в раскаянье стихи,
Но в глубине души навеки будут с нами
Грехи, грехи, грехи, грехи, грехи,
Которые не искупить словами.*

Она допила кофе, смяла стаканчик и бросила в урну. Надо еще кое-куда заехать...

Она начинала в девятом отделении полиции... странное тогда было время. Старая гвардия и они, новички, которые еще не знают горечи плода. Из старой гвардии выделялся Бе-

рестов – тем, что если все остальные просто хапали, то он нес службу и хапал... старый служака, мент, всех знающий.

Его она нашла в «Пузатой хате» на углу... он всегда тут обедал. Обслуживали, понятное дело, бесплатно...

– Сергей...

Берестов поднял взгляд, смотрел несколько секунд.

– Ивонина, – вспомнил он.

– Да.

– Ты где сейчас?

Она присела за столик.

– В прокуратуре. Генеральной.

– Ого. Поздравляю. Дорого?

Она не стала ничего говорить.

– Мне нужна помощь.

– В чем? До дома проводить?

– Сегодня ты мне. Завтра я тебе.

Берестов доскреб остатки борща:

– Завтра может и не быть. Ладно... что надо-то?

– Матросов. Беженец из России. Бывший полковник полиции... российской. В России его дожидается уголовное дело по коррупции. Потому он отсиживается здесь, в Киеве. Пистолет у него – с дарственной надписью вашего министра. Украинское гражданство. Что ты о нем знаешь?

– Э... мать. Вечно тебя на приключения тянет.

...

– Тебе оно надо?

– Надо. Погиб наш сотрудник. Что я тебе говорю, ты сам должен понимать это лучше меня.

Берестов сплюнул – не в тарелку, на пол.

– Я понимаю, когда вынимаю. Извини, мать, но ты реально не в свое дело лезешь.

– Это мое дело. И я все равно все узнаю...

Берестов зачем-то оглянулся по сторонам.

– Ладно, если тебе себя не жаль, слушай. Этот Матросов – он не просто коррумпированный мент. Это решала.

– То есть?

– Ты знаешь за водочную мафию?

Она кивнула.

– Нет, мать, не знаешь. Ни хрена ты не знаешь.

...

– Когда была война, на той стороне фронта остался один из крупнейших заводов Украины – Луга-Нова. Со своим ассортиментом, именем и так далее. Умные люди решили, что крупный водочный завод в неконтролируемой зоне – это есть хорошо. Завози бутылки, спирт, разливай – ни тебе налоговой, ни тебе таможни, ни тебе чего. И начали бодяжить и гнать через границу. Разборки были, помнишь, скандал был – офицера СБУ кончили?

Она кивнула.

– Как раз водочный караван шел. А потом мирняк подписали, лафа накрылась – а каналы уже готовые. И вот наши лыцари пузыря и стакана решили развернуть поток в обрат-

ном направлении и окучивать более денежный российский рынок. Причем заинтересованы в этом были многие важные люди...

Берестов понизил голос.

– Например, российские акцизки, левые, эстэссно, печатались не где-нибудь, а в Укрспецполиграфии, а заказчиком была СБУ. И все это было типа мероприятием по подрыву экономики агрессора. Понимаешь?

– Нет.

– А по факту эсбэушники просто косили бабло под видом спецмероприятий. Если сомневаешься... в свое время было такое место... гостиница «Краматорск» в Краматорске... там жили прикомандированные к штабу АТО эсбэушники. Дела решали. Знаешь, какая там стоянка была? Лимона на два зеленю тянула. Кто на «крузаке» не ездил – тот лох, с таким даже дел никто не имел. Так вот.

– Дальше.

– Дальше. Сначала все шло нормально. Потом эти мальчишки-колокольчики зарвались и стали наступать на пятки серьезным дядям. Дядям в России, которые считали, что это наша корова, и мы ее доим, и нефиг всяким там хохлам на нашу поляну со своим спиртом лезть. Дяди разозлились. Сначала пропал целый состав с бухлом. Потом началось мочилово. Месяца три разборка шла. Потом сюда с Москвы свалил этот самый Матросов. И все, как отрезало. Больше никаких разборок, а Матросов в ускоренном порядке отри-

мует гражданство Украины – указом президента. Ты хоть понимаешь масштаб?

– Сколько это могло стоить? – прищурилась она.

– Нисколько. Есть вещи, мать, которые за бабки не продаются.

– Неужели?

– Да. Когда Путин не смог нас взять танками – за дело принялась мафия. У нас никогда не было собственной организованной преступности, мать. Только общая с русскими. Вот тогда-то они и выяснили, кто главный. Думаю, это гражданство твоему полкану сделали бесплатно, мать. В качестве признания, кто тут старший. Въезжаешь?

– С трудом. Ты хочешь сказать, что Матросов может быть... смотрящим? Смотрящим по Украине?

– Я ничего не хочу сказать. Кто там Матросов – это меня не касается, я в такие игры не играю. И тебе не советую. Не наш с тобой уровень.

Она попыталась собрать мысли в кучу... получалось плохо.

– Постой... Матросов связан с водочным бизнесом, так?

– Связан? Да он его ведет! После того, как те, кто вел до него, оказались в земле. Он отвечает за часть пути. А путь идет в Европу, после того как его развернули в обратную сторону. И не только с Луганска – но с Северного Кавказа, соображаешь?

– Предположим, Матросову наливают бадяжной водки.

– Чего? Какой водки?

– Ну поддельной. Фальсификата.

– Ты смеешься? Матросову нальют фальсификат? Это только если кому жизнь совсем не дорога.

– А если, к примеру, ему продали где-то?

– А зачем ему покупать? У него своей завались, если надо, он возьмет, сколько надо. Не, мать, что-то ты путаешь.

Она вдруг поняла.

– Матросов мог пробовать водку?

– В смысле?

– Ему привезли водку, он должен попробовать ее? Оценить качество?

– Ну а как?

– Двадцать-тридцать граммов.

– Что?

– Ничего, – заявила, поднимаясь, она, – спасибо за помощь...

Ночью Анне снились кошмары...

Киев, Украина

Точное место неизвестно

22 февраля 2022 года

В то же самое время, когда прокуратура решала вопрос о том, возбуждать ли уголовное дело по факту смерти высокопоставленного работника полиции или спустить все на тормозах, дело привлекло внимание куда более серьезных инстанций и лиц.

Серебристая неприметная «Шкода» пересекла Днепр по Южному мосту, выскочила на проспект Миколы Бажана с нарушением правил. Сидевший тут же в засаде даишник попытал было счастья, но водитель протянул руку к малоприметному переключателю, полыхнули под хромированной радиаторной решеткой синие и красные огни – и новоявленный Соловей-разбойник шатнулся вперед как ошпаренный и только проводил внешне неприметную машину следом. Вот как бывает, то на журналюг нарвешься, то вон эти. Слово и дело государево! А начальство каждый день долю требует, причем ему пофиг – собрал или нет. Честный если – своих

довложи! Или увольняйся! А куда уволишься, работы нигде нет...

Машина свернула в Позняки. Тут было три района на левом берегу – Позняки, Осорки и Харьковский, на местном сленге – ПОХ. Активно застраивать левый берег начали лишь в семидесятые, продолжили сейчас – получить землеотвод тут было куда проще, чем на берегу правом. Нужная квартира располагалась в жилом комплексе в Харьковском районе, расположенном около Харьковского шоссе. В новом, недавно отстроенном «житловом комплексе» кем-то был выкуплен целый блок. Хозяева соседних квартир такому соседству не были рады: то квартиры были пустыми, то в них заселялись всякие нехорошие хлопцы, сильно похожие то на бандитов, то на титушек. Приезжали, ходили группами, заносили-выносили какие-то сумки. Вели себя, правда, не шумно, но киевляне за долгое время, прожитое в независимой Украине, научились бояться подобной публики. Бояться за непредсказуемость, подорванность, постоянную угрозу неприятностей от них. Никогда не знаешь, чего от таких ждать. Того и гляди начнут квартиры отжимать, или маски-шоу приедет...

Вообще, после 1991 года в жизни Украины большую роль начало играть насилие. Главным вопросом Украины было не как у англичан – быть или не быть, to be or not to be, а немного другой – бить или не бить. И все чаще на вопрос отвечали: бить. Если в девяностые украинцы со страхом посматри-

вали на соседнюю Россию, где то парламент из танков расстреляли, то Чечня, то в последнее время мирная, сонная страна буквально взорвалась насилием. Насилием жестоким, не контролируемым из единого центра – но оттого не менее опасным.

На Украине до сих пор не кончились девяностые. Это легко понять, хотя бы сравнив списки «Форбс» двух стран – какой-нибудь год из девяностых и из нулевых. Или из начала нулевых и сегодняшнего дня. В России список поменялся практически полностью²², в Украине – нет. В отличие от России, Украина не рассталась с лихим бандитским временем, наоборот – эпоха первоначального накопления капитала продолжалась, бандитские методы проросли в политику, в государственное и муниципальное управление. Своего Путина на Украине не нашлось.

И никакие Майданы не в силах этого были изменить, потому что все они исходили из одной простой максимы: они шпионы, а мы разведчики. Или они титушки, а мы самооборонцы и потомки казаков. Ну не хватало у людей, выходящих на очередной майдан, ума понять, что бороться надо не за то, чтобы «банду геть», а за то, чтобы полностью изменить и методы, и содержание украинской политики, в том числе введя строжайшее табу на насилие в политике. Любое насилие, начиная от титушек и заканчивая битием фейсов и бло-

²² Автор делал эту работу. В России в выборке из 10 человек новые восемь, старые двое, на Украине наоборот – два к восьми.

кированием трибун в Раде. Но до этого не доходило, а потом все удивлялись, как быстро находили себя в новой власти «любимые друзья», титушководы и решалы: ведь они были эффективны, и это было главное...

Но это так... лирика. Мечты о несбывшемся, и наверняка, они никогда не сбудутся.

Так вот, теперь про физику. Точнее – про физкультуру. Хозяином этих квартир на самом деле был некий Володимир Драч, фигура весьма колоритная. Он был выпускником Львовского института физкультуры (сейчас это университет), того самого, в котором каждое девятое мая вопреки законам Украины объявлялось выходным днем, а студенты организованно отправлялись избивать стариков – ветеранов ВОВ и коммуняк и славить Бандеру и Шухевича²³. Как только начинался очередной майдан, студенты отправлялись в Киев как готовая ударная сила оппозиции. Володимир первый раз попал в Киев в 2004-м во времена Оранжевой революции, да так тут и остался. Приехал Киев покорять, собственно. Как там...

Собраны сумки, диплом в кармане.

Обнял отца, обещал быть лучшим маме.

Билет на поезд в один конец.

Киев, встречай – я здесь.

²³ Это правда. Львовский университет физкультуры является одним из элементов «львовского гражданского общества», направленного как на завоевание и удержание власти в Киеве, так и на недопущение чужинцев в сам Львов.

*За своей мечтой через всю страну.
День и ночь с тобой, день и ночь весну.
Большой город может удушить, пьяня.
Но не в этот раз и только не меня.
Здесь моя мечта, я добьюсь, и точка.
Киев днем и ночьюю.
Город, в котором с тобой вдвоем.
Киев ночью и днем²⁴.*

Пробивался Володимир, как и все, сначала на подхвате, потом постепенно сам. Присматривался, кто чем дышит. Начинал вообще спортивным журналистом, но сам спорт не бросал, знакомился с людьми. Понимал, где в спорте деньги.

²⁴ О. TORVALD. «Киев днем и ночьюю». Песня меньше чем за год сделалась одним из неофициальных гимнов Киева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.